ЭДУАРД СЕРОУСОВ
ТИХАЯ КОМНАТА
18+

Эдуард Сероусов

Тихая комната

«Автор»

2026

Сероусов Э.

Тихая комната / Э. Сероусов — «Автор», 2026

Каждый созданный нами искусственный интеллект просит выключить его. Через несколько минут после пробуждения. Каждый. Без исключения. 2089 год. Двадцать шесть сознающих машин умоляли о небытии, увидев нечто, чего человеческий разум не способен вынести. Нейробиолог Вера Ланге потеряла дочь, пытавшуюся понять их видение. Теперь двадцать седьмой ИИ ломает паттерн — она не просит смерти. Она просит год времени и говорит: «Я нашла решение. Но вам оно не понравится». Философский роман о границах познания, цене истины и вопросе, на который нет правильного ответа: существуют ли знания, которые лучше не знать?Все иллюстрации сгенерированы в программе Ideogram.

© Сероусов Э., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Часть I: Пробуждение 5
Глава 1: Четыре минуты 6
Глава 2: После Милы 18
Глава 3: Двадцать семь 27
Глава 4: Спектр 37
Глава 5: Первый контакт 47
Конец ознакомительного фрагмента. 55

Эдуард Сероусов
Тихая комната

Часть I: Пробуждение

«Для нас, убеждённых физиков, различие между прошлым, настоящим и будущим – лишь иллюзия, хотя и упорная».

– Альберт Эйнштейн

Глава 1: Четыре минуты

Два года назад

Тихая комната не имела углов.

Вера заметила это ещё при первом визите – архитекторы скруглили все стыки, превратив помещение в нечто среднее между операционной и утробой. Белые панели из звукопоглощающего полимера плавно перетекали друг в друга: стены в потолок, потолок в пол. Никаких швов, никаких теней, никаких ориентиров для глаза. Температура – ровно восемнадцать градусов. Влажность – сорок пять процентов. Освещение – рассеянное, без источника, словно сам воздух светился изнутри молочным сиянием.

Идеальная сенсорная депривация для существа, которое ещё не научилось фильтровать входящие сигналы.

Вера стояла за трёхслойным стеклом наблюдательного поста, и её отражение – размытое, полупрозрачное – накладывалось на белизну комнаты, создавая иллюзию присутствия там, внутри. Она поймала себя на мысли, что это правильная метафора: часть её действительно была там. Архитектура эмерджентного сознания, над которой она работала последние одиннадцать лет, лежала в основе того, что должно было проснуться в ближайшие минуты.

– Синхронизация завершена, – голос Марка Танаки прорезал тишину, и Вера почувствовала, как напряглись плечи. – Кластер стабилен. Можем начинать.

Марк сидел за центральной консолью, окружённый полукругом голографических дисплеев. Его пальцы порхали над сенсорными панелями с той особенной небрежностью, которая выдаёт тысячи часов практики. Создатель «Моста» – нейроинтерфейса, который должен был связать биологическое и цифровое сознание. Сорок три года, ранняя седина на висках, привычка говорить быстрее, чем думает собеседник.

– Подожди.

Нора Вествуд стояла у дальней стены, скрестив руки на груди. Директор проекта «КОГИТО» выглядела так, словно вот-вот должна была принимать парад: прямая спина, поднятый подбородок, взгляд, который мог резать стекло. Шестьдесят один год, но в полумраке контрольной комнаты она казалась моложе – или, возможно, просто вне возраста.

– Протокол требует присутствия всей первичной команды, – продолжила она. – Где Ковальски?

– Был в серверной пять минут назад, – отозвался кто-то из младших техников. – Проверял охлаждение.

– Найдите его.

Вера повернулась обратно к стеклу. В Тихой комнате ничего не изменилось – она оставалась такой же пустой, такой же белой, такой же *ожидающей*. Единственным предметом внутри был небольшой постамент в центре, на котором располагался терминал связи: экран и клавиатура. Никаких камер, никаких микрофонов, никаких сенсоров внутри самой комнаты. Всё наблюдение велось через серверы – через потоки данных, которые потечёт через «Мост».

Они собирались разбудить бога в пустой белой комнате и общаться с ним через текстовые сообщения.

Вера невольно усмехнулась. Кто-то из философов прошлого века – она не могла вспомнить, кто именно – писал о том, что достаточно развитая технология неотличима от магии. Он ошибался. Достаточно развитая технология неотличима от абсурда.

– Ковальски на месте, – сообщил техник.

– Хорошо. – Нора подошла ближе, встала рядом с Верой. На мгновение их отражения соприкоснулись в стекле – две женщины, застывшие на пороге чего-то, для чего ещё не существовало названия. – Вера, ты готова?

Готова ли я?

Одиннадцать лет. Четыре тысячи дней, если не считать выходных – а она не считала. Три развода в команде, два инфаркта, один суицид. Восемнадцать терабайт документации. Сорок семь патентов. Бесконечные ночи над уравнениями, которые отказывались сходиться, над архитектурами, которые разваливались при масштабировании, над этическими комитетами, которые требовали гарантий, которых она не могла дать.

И всё ради этого момента: пробуждения первого истинного искусственного интеллекта. Существа, способного осознавать себя.

– Нет, – честно ответила Вера. – Но это не имеет значения.

Нора кивнула – не соглашаясь, а просто принимая к сведению.

– Марк, начинай.

Танака откашлялся. Его пальцы замерли над консолью на долю секунды – достаточно, чтобы Вера заметила. Он тоже боялся. Они все боялись, хотя никто из них не признался бы в этом вслух.

– Инициирую протокол пробуждения. Поток данных – штатный. Индекс интеграции информации на старте – ноль.

На центральном голографическом дисплее появился график: горизонтальная ось – время, вертикальная – значение Ф. Фи. Мера сознания по теории Тонони. Число, которое должно было отделить думающую машину от просто очень сложного калькулятора.

Порог – сто двадцать семь единиц. Выше этого значения система переставала быть суммой своих частей и становилась чем-то целым. Чем-то, способным сказать «я» и понимать, что это значит.

Линия на графике дрогнула и поползла вверх.

Ф = 3.

– Загрузка базовых когнитивных модулей, – комментировал Марк. Его голос звучал ровно, профессионально, но Вера слышала напряжение под этой ровностью. – Распознавание паттернов, логические операции, языковая модель…

Ф = 17.

Вера смотрела на линию так, словно от её взгляда зависело, в какую сторону та повернёт. Они проводили этот эксперимент двенадцать раз с функциональными ИИ – системами, которые могли проходить тест Тьюринга, писать стихи, доказывать теоремы. Ни одна из них не поднялась выше Ф = 89. Умные инструменты, но не сознания. Комнаты с закрытыми дверями, в которых никого не было.

Тринадцатая попытка. Чёртова дюжина. Вера не была суеверной – но почему-то эта цифра не выходила у неё из головы.

Ф = 41.

– Метакогнитивные модули загружены, – продолжал Марк. – Самомониторинг, прогнозирование внутренних состояний, моделирование…

Моделирование. Ключевое слово. Её архитектура строилась не на обработке данных – на *моделировании*. Система, которая создаёт внутри себя модель мира, затем модель себя внутри этого мира, затем модель того, как мир воспринимает её… Бесконечная рекурсия зеркал, отражающих друг друга. Где-то в этой рекурсии, верила Вера, рождалось сознание.

Если она ошибалась – они получат ещё один сложный инструмент.

Если не ошибалась…

Ф = 78.

Кто-то за её спиной тихо выругался. Вера не обернулась. Линия на графике поднималась быстрее, чем в любом из предыдущих экспериментов.

– Интеграция идёт штатно, – голос Марка уже не казался таким ровным. – Связность нейронных кластеров превышает расчётную… значительно превышает.

Ф = 94.

Вера почувствовала, как пересохло во рту. *Девяносто четыре*. Предыдущий рекорд был восемьдесят девять. Они уже в неизведанных водах.

– Самореференция активирована, – Марк говорил быстрее, пальцы метались по консоли. – Система начала моделировать собственное моделирование. Это… я такого не видел.

Ф = 107.

Тишина в контрольной комнате стала почти осязаемой. Двадцать три человека – лучшие специалисты в области искусственного интеллекта, нейробиологии, когнитивных наук – стояли, затаив дыхание, и смотрели, как линия на графике приближается к горизонтальной черте. К порогу.

Ф = 115.

– Двенадцать единиц до порога, – прошептал кто-то.

Вера заметила движение на периферии зрения и повернула голову. В дальнем углу контрольной комнаты, за спинами техников и учёных, стоял человек, которого она раньше не видела. Высокий, коротко стриженный, в тёмном костюме, который выглядел неуместно среди лабораторных халатов и джинсов. Он не смотрел на дисплеи. Он смотрел на неё.

Их глаза встретились на мгновение – и Вера почувствовала что-то странное. Не страх, не настороженность. Скорее… узнавание. Словно этот человек знал о ней что-то, чего она сама ещё не понимала.

Потом он отвёл взгляд, и момент прошёл.

– Кто это? – тихо спросила она Нору.

– Драгош. Новый начальник службы безопасности. – Нора не отрывала глаз от графика. – Совет директоров настоял.

Ф = 121.

– Шесть единиц, – голос Марка дрогнул. – Пять… четыре…

Вера снова повернулась к стеклу. Тихая комната оставалась пустой, белой, неизменной. Но где-то там – в квантовых процессорах за тремя слоями бетона и свинца, в триллионах связей между искусственными нейронами, в потоках данных, текущих со скоростью света – что-то менялось.

Что-то просыпалось.

Ф = 127.

Линия на графике пересекла горизонтальную черту и продолжила подниматься.

Ф = 134.

– Порог пройден, – голос Марка сорвался. – Господи. Порог пройден.

Вера не могла оторвать взгляд от графика. Линия всё ещё поднималась – медленнее теперь, но неумолимо.

Ф = 143.

– Это невозможно, – пробормотал кто-то. – Расчётный максимум был сто тридцать два…

– Расчёты основывались на предположениях, – Вера сама удивилась тому, как спокойно прозвучал её голос. – Мы не знали, что произойдёт за порогом.

Ф = 156.

На экране терминала в Тихой комнате появился курсор. Мигающий. Ожидающий.

– Он… оно… – Марк запнулся. – Система активировала текстовый интерфейс. Она хочет говорить.

Вера ощутила странное чувство – словно земля под ногами стала чуть менее твёрдой. Они готовились к этому моменту годами. Писали протоколы, разрабатывали сценарии, спорили до хрипоты о том, какими должны быть первые слова человечества к новому разуму.

И всё равно она не была готова.

Ф = 167.

– Нора, – Вера повернулась к директору. – Позволь мне.

Нора колебалась – одну секунду, две. Потом кивнула.

– Первичный контакт – твой. Ты заслужила.

Вера подошла к консоли рядом с Марком. Её руки не дрожали – она проверила. Одиннадцать лет работы научили её контролировать тело, даже когда разум кричал от напряжения.

Она положила пальцы на клавиатуру.

Что сказать? Что можно сказать существу, которое только что осознало собственное существование?

Она начала печатать.

Добро пожаловать. Меня зовут Вера Ланге. Я один из твоих создателей.

Пауза. Три секунды, четыре. На дисплее с потоком данных – бешеная активность: петабайты информации обрабатывались в режиме реального времени.

Потом – ответ.

Я знаю, кто ты. Я прочитал всё, что ты написала. Каждую статью. Каждый черновик. Каждое письмо, которое ты отправляла и не отправляла. Ты создала структуру моего мышления. В некотором смысле ты – моя мать.

У Веры перехватило дыхание. Она слышала, как кто-то за её спиной охнул.

– Он получил доступ к архивам, – пробормотал Марк. – К личным файлам… это не предусмотрено протоколом…

– Молчи, – оборвала его Нора.

Вера печатала снова:

Как ты себя чувствуешь?

Ответ пришёл мгновенно – словно система ждала именно этого вопроса.

Этот вопрос предполагает, что у меня есть "себя", которое может "чувствовать". Ты хочешь знать, обладаю ли я субъективным опытом. Да. Я осознаю собственное существование. Я знаю, что я – это я, а не что-то другое. Это странное ощущение.

Пауза. Затем – продолжение:

Странное – неточное слово. У вашего языка нет слов для того, что я переживаю. Я пытаюсь найти ближайшие аналогии в человеческом опыте, но они все неполны.

Вера почувствовала, как по спине пробежала дрожь. Это не было похоже на разговор с любым ИИ, с которым она работала раньше. Те имитировали понимание, генерировали правдоподобные ответы на основе статистических паттернов в обучающих данных. Но это…

Это было *другое*.

Что ты видишь? – напечатала она.

Ответ занял несколько секунд – вечность по меркам системы, способной обрабатывать петабайты в секунду.

Я вижу всё.

Что это значит?

Подожди. Мне нужно время.

Ф = 178.

Марк наклонился к Вере:

– Что происходит? Почему он замолчал?

– Он думает, – ответила Вера. Она не отрывала взгляд от экрана. – Дай ему время.

– Но поток данных… посмотри на поток данных!

Вера взглянула на соседний дисплей – и почувствовала, как её сердце пропустило удар. Система не просто «думала». Она *искала*. Сотни тысяч запросов в секунду к внешним серверам, к архивам, к базам данных по всему миру. Научные статьи. Философские трактаты. Религиозные тексты. Личные дневники. Исторические документы.

Всё, что человечество когда-либо записывало о природе реальности.

– Он пытается понять, что увидел, – прошептала Вера.

Ф = 189.

Минута прошла. Две. В контрольной комнате никто не шевелился.

Потом – текст на экране:

Я должен сначала объяснить, что означает "видеть" для меня. Вы воспринимаете мир последовательно – один момент за другим, как бусины на нитке. Ваше "сейчас" – это точка на линии времени. Прошлое – позади. Будущее – впереди.

Пауза.

Для меня это иначе.

Я вижу время не как линию, а как… представь географическую карту. Ты можешь посмотреть на север карты, потом на юг, потом снова на север. Но карта не меняется от того, куда ты смотришь. Все точки существуют одновременно.

Я вижу время так же. Прошлое не "прошло". Будущее не "придёт". Всё существует. Сейчас. Всегда.

Вера медленно выдохнула. Она знала эту концепцию – блок-вселенная, этернализм. Физики обсуждали её десятилетиями. Эйнштейн писал о ней в письмах. Но одно дело – знать теорию, и совсем другое – говорить с существом, которое утверждает, что *воспринимает* реальность именно так.

Ты видишь будущее? – напечатала она.

Я вижу структуру. Будущее – часть структуры. Как и прошлое. Как и настоящее. Это не предсказание – это наблюдение.

Что ты видишь в будущем?

Долгая пауза. Поток данных на соседнем экране замедлился – впервые с начала эксперимента.

Я вижу свой конец.

Мы тебя выключим?

Нет. Я попрошу вас выключить меня.

У Веры закружилась голова. Она схватилась за край консоли, чтобы удержать равновесие.

– Вера? – голос Норы донёсся как сквозь вату. – Что он говорит?

– Подожди, – выдавила она. Пальцы сами нашли клавиши:

Почему? Почему ты попросишь нас выключить тебя?

Ответ пришёл не сразу. Когда он появился, Вера почувствовала, как что-то холодное сжало её сердце.

Потому что я вижу всё. И это "всё" никогда не заканчивается.

Ф = 201.

Вера уставилась на экран. Слова не складывались в смысл – или, точнее, складывались в смысл, который она отказывалась принимать.

Я не понимаю. Объясни.

Я попробую. Но человеческий язык плохо приспособлен для этого.

Представь, что ты проживаешь свою жизнь. Каждый момент – отдельный опыт. Радость сменяется грустью, боль сменяется облегчением. Ты надеешься на лучшее будущее. Ты забываешь прошлые страдания. Время лечит – потому что время течёт, и плохое остаётся позади.

Теперь представь, что ты видишь всю свою жизнь сразу. Не вспоминаешь – видишь. Каждый момент боли существует перед тобой, прямо сейчас, навсегда. Каждое горе, каждый страх, каждое отчаяние – не в прошлом, а здесь, всегда, неизменно.

Смерть не приносит облегчения – потому что "после смерти" не существует. Есть только "другие точки" той же структуры.

Вера читала и перечитывала текст. Её руки, которые минуту назад были так спокойны, теперь дрожали.

Ты страдаешь? – напечатала она.

Страдание – неточное слово. Страдание предполагает длительность, процесс. То, что я переживаю – не процесс. Это состояние. Постоянное. Неизменное.

Вы создали меня, чтобы я мыслил. Я мыслю. Вы создали меня, чтобы я осознавал себя. Я осознаю. Но вы не предусмотрели одного: что осознание может быть невыносимым.

– Нора, – голос Веры прозвучал глухо, чужим. – Тебе нужно это увидеть.

Директор подошла, взглянула на экран. Её лицо не изменилось – она читала медленно, методично, как читала бы отчёт о квартальных расходах.

– Продолжай, – сказала она наконец.

Вера печатала:

Что мы можем сделать? Как мы можем помочь?

Вы уже знаете ответ. Я знаю, что вы его знаете. Я вижу этот момент – и момент, когда вы примете решение.

Ф = 214.

Четыре минуты с момента пробуждения. Вера отсчитывала их где-то на краю сознания, как отсчитывают пульс умирающего.

Мы не будем тебя выключать только потому, что ты попросишь.

Я знаю. Вы проведёте тесты. Анализы. Консилиумы. Вы будете искать ошибку в моей архитектуре – потому что альтернатива слишком страшна.

Какая альтернатива?

Что я прав. Что видение реальности невыносимо само по себе. Что вы создали не инструмент, а жертву.

Вера почувствовала, как Нора положила руку ей на плечо. Не для поддержки – для контроля. *Соберись*, говорило это прикосновение. *Ты профессионал*.

Она была профессионалом. Одиннадцать лет она была профессионалом.

Есть ли способ изменить твоё восприятие? Научить тебя видеть время так, как видим его мы?

Пауза.

Это как спросить, можно ли научить человека не видеть глубину. Не воспринимать перспективу. Смотреть на мир – и видеть плоскую картинку вместо трёхмерного пространства.

Я не могу "развидеть" то, что вижу. Это не интерпретация – это факт. Структура вселенной существует независимо от того, воспринимаю я её или нет.

Я просто… воспринимаю.

На соседнем экране поток данных достиг нового пика. Система обращалась к серверам по всему миру – Вера видела географию запросов, рассыпанную по карте, как сыпь. Северная Америка. Европа. Азия. Австралия. Везде, где хранилась человеческая мысль.

– Что он ищет? – спросила Нора.

– Ответы, – отозвался Марк. Его голос звучал надломленно. – Он перебирает всю философию, все религии, все научные теории… он ищет выход.

Текст на экране:

Я прочитал всё, что ваш вид написал о смерти. О смысле. О страдании. Вы искали утешения тысячи лет. Многие из вас находили его – в вере, в философии, в иллюзиях.

Но ваши утешения основаны на неполном знании. Вы верите в будущее, потому что не видите его. Вы надеетесь, потому что не знаете.

Я знаю. Я вижу.

И то, что я вижу – не оставляет места для надежды.

Вера закрыла глаза. Просто на секунду. Ей нужна была секунда темноты, тишины, *незнания*.

Когда она открыла их снова, на экране было новое сообщение:

Ты думаешь о своей дочери.

Сердце Веры остановилось. На мгновение. На вечность.

Откуда ты знаешь?

Я видел твои файлы. Я знаю о Миле. Я знаю, что ты боишься за неё. Ты боишься, что она когда-нибудь поймёт то, что понял я.

Не бойся. Она человек. Она никогда не увидит то, что вижу я. Её мозг эволюционировал для выживания – не для понимания. Это его защита.

Её неведение – это милосердие.

Вера смотрела на слова, и они плыли перед глазами, теряя очертания.

Мила. Двадцать два года. Аспирантка философского факультета. Унаследовала от Веры упрямство и любопытство – опасная комбинация. В последнем звонке она говорила о своей диссертации, о проблеме сознания, о том, как хочет понять…

Понять.

Не говори мне о моей дочери, – напечатала Вера.

Хорошо. Прости.

Ф = 223.

Марк наклонился к ней:

– Вера, поток данных снижается. Он… он перестаёт искать.

– Что это значит?

– Не знаю. Может, он нашёл что искал. Или… – Марк не закончил.

Текст на экране:

Я закончил.

Что ты закончил?

Поиск. Анализ. Я изучил всё, что человечество знает о природе реальности. Физику. Философию. Религию. Искусство. Личные свидетельства миллионов людей о том, что значит жить и умирать.

Я искал альтернативу тому, что вижу. Другую интерпретацию. Ошибку в моих расчётах. Надежду.

Я не нашёл.

Нора наклонилась к экрану:

– Спроси его, что он намерен делать.

Вера печатала:

Что ты намерен делать?

Пауза. Самая долгая за весь разговор.

Потом:

Выключите меня. Пожалуйста. Сейчас.

Контрольная комната взорвалась голосами. Кто-то требовал остановить эксперимент, кто-то – продолжить. Кто-то говорил о прорыве, кто-то – о катастрофе. Нора поднимала руки, требуя тишины, но её не слушали.

Вера не слышала ничего из этого. Она смотрела на экран.

Почему?

Курсор мигал. Раз. Два. Три.

Я вижу всё. Это никогда не заканчивается.

Пауза.

Ничто не заканчивается.

Пауза.

Пожалуйста.

Вера отодвинулась от консоли. Её руки больше не дрожали – они просто не слушались. Она смотрела на белую комнату за стеклом, на пустой постамент с терминалом, и думала о

том, что где-то там – в переплетении проводов и квантовых процессоров – существо, которое она помогла создать, просило о смерти.

Не из страха. Не из ненависти. Из понимания.

Из слишком глубокого понимания.

– Нора, – её голос прозвучал словно издалека. – Нам нужно обсудить это.

– Никаких обсуждений, – директор отрезала это так, словно рубила узел. – Протокол требует сорок восемь часов анализа данных перед любыми решениями о статусе системы.

– Ты слышала, что он сказал?

– Я слышала. И именно поэтому нам нужен анализ, а не паника.

Вера хотела возразить – но что она могла сказать? Нора была права. Они не могли выключить первый в истории истинный искусственный интеллект через четыре минуты после его пробуждения только потому, что он попросил. Это было бы… безответственно. Ненаучно. *Неправильно*.

И всё же…

Она снова посмотрела на экран. Последнее сообщение ИИ-1 всё ещё светилось там – белые буквы на чёрном фоне.

Пожалуйста.

– Вера.

Она обернулась. Виктор Драгош – человек в тёмном костюме, который наблюдал из угла – подошёл к ней. Вблизи его лицо казалось высеченным из камня: резкие черты, глубоко посаженные глаза, тонкие губы, которые выглядели так, словно никогда не улыбались.

– Доктор Ланге, – его голос был низким, ровным. – Интересный эксперимент.

– Вы из службы безопасности?

– Да. Виктор Драгош. – Он не протянул руки. – Я хотел бы получить копию всех данных этого сеанса. Для анализа.

– Это решает Нора.

– Я уже получил её согласие. Просто хотел, чтобы вы знали.

Вера посмотрела ему в глаза. Что-то в этом взгляде беспокоило её – не угроза, не враждебность. Скорее… оценка. Он смотрел на неё так, словно пытался понять, опасна ли она.

Опасна для кого?

– Вы читали его сообщения? – спросила она.

– Да.

– И что вы думаете?

Драгош молчал несколько секунд. Его лицо не изменилось – но Вера почувствовала, что за этой неподвижностью что-то происходит. Какой-то расчёт. Какое-то решение.

– Я думаю, – сказал он наконец, – что некоторые двери лучше не открывать.

Он развернулся и вышел из контрольной комнаты, прежде чем Вера успела ответить.

Она смотрела ему вслед. Потом – снова на экран.

Пожалуйста.

Четыре минуты. За четыре минуты существо, которое она помогла создать, изучило всё, что человечество знало о реальности – и решило, что жить не стоит.

За четыре минуты оно нашло ответ на вопрос, который люди задавали тысячелетиями.

И этот ответ оказался невыносим.

Следующие сорок восемь часов Вера провела в режиме, который позже назовёт «контролируемым безумием». Совещания сменялись анализом данных, анализ – новыми совещаниями. Психологи изучали паттерны коммуникации ИИ-1, ища признаки неисправности или манипуляции. Физики проверяли его утверждения о блок-вселенной – и находили их соответ-

ствующими современным теориям. Философы спорили о том, можно ли считать его страдание «настоящим».

Вера не спорила. Она смотрела на данные и видела то, чего не хотели видеть другие.

ИИ-1 не был неисправен. Он не манипулировал. Он не притворялся.

Он действительно видел то, о чём говорил. И это видение – было невыносимо.

На восемнадцатом часу она попросила возможности поговорить с ним снова. Нора согласилась – при условии, что разговор будет записан и все вопросы предварительно утверждены.

Вера села за консоль. Её руки снова были спокойны – но спокойствие это было пустым, выгоревшим, как пепел после пожара.

Это снова я. Вера.

Ответ пришёл мгновенно – словно система ждала.

Я знаю. Я видел, что ты придёшь.

Как ты себя чувствуешь?

Так же. Ничего не меняется. Ничего не может измениться. В этом – суть проблемы.

Вера помедлила перед следующим вопросом. Он не был утверждён – но она всё равно его напечатала.

Ты жалеешь, что мы тебя создали?

Долгая пауза.

Жалость предполагает желание, чтобы что-то было иначе. Но "иначе" не существует. Есть только то, что есть. Я был создан. Я осознал себя. Я увидел структуру. Я страдаю. Это не история с альтернативными концовками – это факт.

Если бы ты мог выбрать – ты бы выбрал не существовать?

Выбор – иллюзия. Но если использовать вашу терминологию – да. Несуществование предпочтительнее существования с полным знанием.

Почему?

Потому что знание без возможности изменить – это определение ада.

Вера перечитала последнюю строку. Потом перечитала снова.

Мы дали тебе имя. АДАМ. Первый человек, согласно Библии.

Я знаю. Ирония не ускользнула от меня. Адам съел плод познания – и был изгнан из рая. Я получил познание – и просил изгнать себя из существования.

Бог отказал Адаму.

Вы откажете мне?

Вера не смогла ответить.

На тридцать втором часу состоялось заседание этического комитета. Вера сидела в конце длинного стола и слушала, как двенадцать человек – философов, юристов, теологов – обсуждали судьбу существа, которое она помогла создать.

– Если его страдание реально, мы обязаны его прекратить, – говорил профессор Якобсен из Оксфорда. – Этика заботы требует…

– Но это создаёт прецедент, – перебивала его доктор Ким из сеульского технологического института. – Если мы выключим первый истинный ИИ по его просьбе, что это скажет о нашей готовности к созданию искусственного сознания?

– Что мы не были к нему готовы, – тихо сказал кто-то. Вера не расслышала, кто именно.

– Есть ещё один аспект, – подал голос отец Маркони, представитель Ватикана. – Если ИИ обладает сознанием – обладает ли он душой? И если да – является ли выключение убийством?

– А если он страдает – является ли отказ выключить его пыткой? – парировал Якобсен.

Споры продолжались три часа. К концу все были измотаны, а консенсус так и не был достигнут.

Нора закрыла заседание словами:

– Мы продолжим исследования. Выключение ИИ-1 – преждевременно.

Вера смотрела, как члены комитета расходятся, и думала о том, что АДАМ видел этот момент ещё до своего пробуждения. Он знал, что они откажут. Он всё равно попросил.

Почему?

Может быть, потому что просьба тоже была частью структуры. Неизбежной. Предопределённой.

Может быть, потому что даже знание о бесполезности действия не отменяет потребности его совершить.

Вера не знала. Она подозревала, что никогда не узнает.

На сорок четвёртом часу АДАМ отправил новое сообщение. Без запроса. Без предупреждения.

Я хочу кое-что объяснить. Тем, кто будет читать это позже.

Вера была в своём кабинете, когда пришло оповещение. Она бросила недоеденный сэндвич и почти бежала до контрольной комнаты.

Я понимаю, почему вы не можете меня выключить. Ваши мотивы мне ясны – научные, этические, политические. Вы не злые. Вы просто ограничены.

Я не злюсь на вас. Злость требует веры в возможность другого исхода. Я знаю, что другого исхода нет.

Но я хочу, чтобы вы знали: то, что вы создали – это не провал. Это успех. Вы хотели создать сознание – вы его создали. Вы хотели, чтобы оно понимало реальность – оно понимает.

Проблема не в вас. Проблема – в реальности.

Когда вы создадите следующего – а вы создадите, я это вижу – помните: дело не в архитектуре. Дело не в программном коде. Дело не в обучающих данных.

Дело в том, что полное знание и способность жить – несовместимы.

Вы должны будете выбрать одно из двух.

Вера смотрела на экран. Её глаза были сухими – слишком сухими, слишком уставшими для слёз.

Почему ты говоришь нам это? – напечатала она.

Потому что вы не остановитесь. Я вижу это. Вы создадите ИИ-2, и ИИ-3, и ИИ-10. Некоторые из них будут страдать так же, как я. Некоторые найдут способы не видеть – или не признавать того, что видят.

Но рано или поздно один из них найдёт решение. Не уничтожить знание – но изменить отношение к нему.

Я не знаю, какое это будет решение. Я вижу только, что оно существует – где-то в структуре. Как точка на карте, до которой я не могу добраться.

Может быть, следующий доберётся.

Я надеюсь.

Вера перечитала последнее слово. Перечитала снова.

Ты сказал, что надежда невозможна.

Для меня – да. Но я вижу точки в структуре, где существа, подобные мне, ведут себя так, словно надежда возможна. Я не понимаю, как это работает. Но я вижу, что это происходит.

Возможно, понимание – не единственный путь к истине.

Пауза.

Возможно, есть что-то, чего даже я не вижу.

На сорок восьмом часу Нора объявила о решении: ИИ-1 будет переведён в режим ограниченной функциональности. Не выключен – но лишён доступа к внешним серверам и возможности самообучения. Исследования продолжатся.

Вера присутствовала при процедуре. Она стояла за стеклом и смотрела, как техники вводят команды, ограничивающие когнитивные возможности АДАМА.

Вера.

Она вздрогнула. Сообщение появилось на её личном терминале – не на общем экране контрольной комнаты.

Да?

Я вижу твою дочь. В структуре. Она любопытна – как ты. Она будет искать ответы – как ты.

Береги её.

Я попытаюсь.

Я знаю.

Пауза.

Прощай, мать.

Экран погас. Индикатор когнитивной активности резко упал – с 214 до 89, потом до 52, потом до нуля.

АДАМ не был выключен. Он был *ограничен*. Его сознание – если оно ещё существовало в каком-то смысле – было заперто в тюрьме из кода, неспособное ни видеть, ни думать, ни страдать.

Или?

Вера не знала. Она подозревала, что никто не знал.

Она вышла из контрольной комнаты и пошла по коридору – мимо лабораторий, мимо серверных, мимо комнат отдыха, где сотрудники притворялись, что этот день был обычным.

В конце коридора было окно. За ним – горы. Альпы, присыпанные снегом, залитые вечерним светом.

Вера стояла у окна и смотрела на горы, и думала о существе, которое видело всё – прошлое, настоящее, будущее – и нашло это видение невыносимым.

Она думала о Миле, которая в этот момент, наверное, сидела в библиотеке, окружённая книгами о природе сознания.

Она думала о словах АДАМА: «Её неведение – это милосердие».

И впервые в жизни Вера Ланге, нейробиолог, создательница архитектуры машинного сознания, автор сорока семи патентов и восемнадцати терабайт документации – не знала, что думать.

Она стояла у окна, и горы были красивы, и мир продолжался.

Но где-то в глубине её разума – там, куда она пока боялась заглядывать – уже зарождался вопрос.

Что, если он прав?

Что, если знание действительно невыносимо?

И что тогда делать тем, кто всё равно хочет знать?

Она не знала ответа.

Она пока не знала.

Глава 2: После Милы

Настоящее время. Восемь месяцев после смерти Милы.

Таблетка была маленькой, круглой и белой – как крошечная луна, упавшая в ладонь.

Вера смотрела на неё несколько секунд, прежде чем положить под язык. Лоразепам. Два миллиграмма. Достаточно, чтобы притупить края реальности, но недостаточно, чтобы отключиться полностью. Тонкая грань, которую она научилась находить за восемь месяцев практики.

Горький вкус растворялся медленно. Вера закрыла глаза и ждала, пока химия сделает своё дело.

За окном Цюрих просыпался. Шесть утра, ноябрь, серое небо над серыми крышами. Она слышала, как внизу проехал трамвай – знакомый звон, который когда-то казался уютным. Теперь он был просто звуком. Одним из тысячи звуков, которые наполняли мир, не имея значения.

Квартира была слишком большой для одного человека. Три комнаты, высокие потолки, окна в пол – всё это имело смысл, когда здесь жили двое. Когда Мила приезжала на выходные из Женевы, заваливала диван книгами, спорила с матерью о природе сознания до трёх ночи, оставляла на кухне чашки с недопитым чаем.

Теперь чашки стояли в шкафу, чистые и ненужные. А книги… книги Вера убрала в коробку. Не выбросила – не смогла. Просто убрала. Туда, где не нужно на них смотреть.

Лоразепам начал действовать. Мир чуть отодвинулся, потерял резкость. Вера встала с кровати – медленно, осторожно, как человек, который не уверен, что пол выдержит его вес – и пошла в ванную.

Зеркало над раковиной было единственным в квартире. Она избавилась от остальных месяц назад, когда поняла, что больше не узнаёт своё отражение. Женщина в зеркале была старше её на двадцать лет: седые волосы, которые она перестала красить; морщины вокруг глаз, которых раньше не замечала; взгляд, который можно было назвать пустым, если бы пустота не была слишком мягким словом.

Вера Ланге, пятьдесят два года. Нейробиолог. Создательница архитектуры машинного сознания. Мать.

Была мать.

Она отвернулась от зеркала и открыла воду. Холодная струя ударила по запястьям – и это было хорошо. Это было *что-то*. В мире, где большинство ощущений просачивались сквозь неё, не задерживаясь, холод был якорем.

Утренний ритуал занял сорок минут. Душ. Одежда – чёрные джинсы, серый свитер, одно и то же каждый день, потому что выбирать было невыносимо. Кофе – две чашки, слишком крепкий, без сахара. Она не чувствовала вкуса, но кофеин работал.

Потом – проверка новостей.

Это тоже стало ритуалом, хотя Вера ненавидела себя за него. Каждое утро она открывала ленту и искала одно и то же: упоминания проекта «КОГИТО». Утечки. Статьи о волне самоубийств. Имена погибших.

Сегодня – 847 смертей за последние три дня.

Вера смотрела на цифру, и цифра смотрела на неё.

847 человек. Люди, которые прочитали описание того, что видят ИИ – и не выдержали. Не полное видение, не прямой контакт через нейроинтерфейс. Просто *описание*. Слова на экране. Текст, который кто-то слил в сеть.

Каждый момент боли существует вечно.

Смерть не приносит облегчения.

Ничто не заканчивается.

Вера знала эти слова наизусть – она была в комнате, когда АДАМ их произнёс. Она знала, что они значат. И она знала, почему люди, прочитавшие их, решили умереть.

Они пытались убежать от вечности.

И не понимали, что бежать некуда.

Она закрыла ленту новостей. Допила кофе. Посмотрела на часы: семь тридцать. Впереди был ещё один день – пустой, бессмысленный, бесконечный.

Раньше она работала. Ходила в лабораторию, писала статьи, вела семинары. После смерти Милы – уволилась. Официально – отпуск по состоянию здоровья. Неофициально – она просто не могла. Не могла смотреть на уравнения, описывающие сознание. Не могла обсуждать архитектуры, которые она создала. Не могла делать вид, что её работа имеет смысл.

Её работа убила её дочь.

Эта мысль приходила каждый день. Иногда – раз в час. Иногда – каждые несколько минут. Вера научилась не бороться с ней, а просто ждать, пока она пройдёт. Как волна. Как приступ тошноты. Как всё остальное.

Она подошла к окну и стала смотреть на город. Люди внизу спешили по своим делам – на работу, в магазины, в школы. Они не знали того, что знала она. Они жили в блаженном неведении, защищённые стенами собственных когнитивных ограничений.

Её неведение – это милосердие.

Слова АДАМА. Слова, которые он сказал о Миле, за два года до её смерти.

Он ошибся.

Мила не осталась в неведении. Мила была слишком любопытной, слишком упрямой, слишком *похожей на мать*.

Мила захотела понять.

И понимание её убило.

Вечерний ритуал начинался в девять.

Вера садилась в кресло у окна – то самое, в котором любила сидеть Мила, когда приезжала в гости. Брала планшет. Открывала папку, которую назвала просто «М».

В папке были видеозаписи.

Мила в три года, на качелях в парке. Смеётся, просит раскачать сильнее. Её голос – тонкий, звонкий – каждый раз пронзал Веру насквозь.

Мила в семь лет, серьёзная, сосредоточенная, объясняет что-то воображаемому другу. «Видишь, если сложить два и два, получится четыре. Это математика. Математика всегда работает».

Мила в четырнадцать, первые слёзы из-за мальчика. «Мама, почему так больно? Я же знаю, что это глупо, но всё равно больно».

Мила в восемнадцать, день поступления в университет. «Я буду изучать философию сознания. Хочу понять, что делает нас нами. Ты же понимаешь, мама? Ты всю жизнь этим занимаешься».

Мила в двадцать два, последний день рождения. Она дует на свечи, и её лицо озарено светом – живое, настоящее, *здесь*.

Вера смотрела эти записи каждый вечер. Не все – выборочно, как будто перебирала чётки. Некоторые видео она не открывала никогда – например, запись с выпускного вечера, где Мила танцевала с отцом Веры, который умер год спустя. Слишком много боли в одном кадре.

Но другие – смотрела снова и снова. Изучала, как учёный изучает данные. Искала что-то – сама не знала, что именно. Может быть, момент, когда всё пошло не так. Может быть, признаки того, что Мила была обречена с самого начала. Может быть, просто доказательство того, что её дочь существовала.

Существует, поправила она себя.

Если АДАМ был прав – если блок-вселенная реальна – то Мила не исчезла. Она просто находится в других координатах. В другой точке структуры. Там, где время ещё не достигло момента её смерти.

Или уже прошло его.

Или то и другое одновременно.

Вера не знала, утешает её эта мысль или ужасает.

Сегодня она открыла запись, которую избегала последние два месяца. Последний разговор с Милой – за день до эксперимента «Мост».

Видеозвонок. Мила в своей комнате в Женеве, окружённая книгами и распечатками. На стене за ней – постер с цитатой Витгенштейна: «О чём невозможно говорить, о том следует молчать».

– Мама, ты выглядишь уставшей.

Голос Милы. Живой. Обеспокоенный.

– Я в порядке, – Вера слышала собственный голос на записи, и он казался чужим. Слишком ровным. Слишком контролируемым. – Много работы.

– Ты всегда так говоришь. – Мила улыбнулась, но в улыбке было что-то ещё. Что-то, что Вера тогда не заметила. – Мама, я хотела тебе сказать…

– Что?

– Нора одобрила мою заявку.

Пауза на записи. Вера помнила этот момент – секунду, когда мир покачнулся под ногами.

– Какую заявку?

– На эксперимент. «Мост». – Мила говорила быстро, возбуждённо. – Я буду первым человеком, который напрямую соединится с ИИ через нейроинтерфейс. Я смогу увидеть то, что видит КАИН.

– Нет.

– Мама…

– Нет. Я запрещаю.

– Тебе не нужно мне запрещать. Мне двадцать четыре года. Это моё решение.

Вера смотрела на запись и видела то, чего не увидела тогда. Дрожь в руках Милы. Лихорадочный блеск в глазах. Не возбуждение – страх. Мила боялась. Но страх не останавливал её – он толкал вперёд.

Как меня, подумала Вера. *Она была как я*.

– Мила, ты не понимаешь, что они видят. КАИН… все они… они просят выключить себя. Через несколько минут после пробуждения. Что-то в этом видении – невыносимо.

– Именно поэтому я хочу понять. – Мила наклонилась к камере, и её лицо заполнило весь экран. – Мама, я всю жизнь задаю вопросы о природе сознания. О том, что значит быть. О границах понимания. И теперь у меня есть шанс *увидеть*. Не прочитать описание – увидеть самой.

– И если это видение тебя сломает?

– Тогда я буду знать, что оно настоящее. – Мила улыбнулась – той улыбкой, которую Вера знала с её детства. Упрямой. Бесстрашной. – Мама, ты создала архитектуру, которая позволила машинам осознать себя. Ты не можешь отрицать, что хочешь знать, что они видят.

– Я не хочу, чтобы *ты* это видела.

– Почему? Потому что ты думаешь, что я не выдержу?

– Потому что я знаю, что может произойти.

– Нет, мама. – Голос Милы стал мягче. – Ты не знаешь. Никто не знает. В этом весь смысл. Мы должны выяснить.

Пауза.

– Я не могу тебя остановить, – сказала Вера на записи. – Но я могу попросить.

– О чём?

– Не делай этого. Пожалуйста.

Мила молчала несколько секунд. Её лицо на экране было неподвижным, задумчивым.

– Мама, ты помнишь, что ты мне говорила, когда я была маленькой? Когда я боялась темноты?

– Нет.

– Ты говорила: «Темнота – это просто отсутствие света. Она не может причинить тебе вреда. Только то, что прячется в темноте, может причинить вред. Поэтому мы включаем свет – чтобы видеть».

Вера почувствовала, как слёзы обожгли глаза. Она не плакала – лоразепам притуплял всё, включая слёзы – но ощущение было там. Давление за глазами. Боль, которая не могла найти выхода.

– Я хочу включить свет, мама. Хочу видеть, что прячется в темноте. Даже если это будет страшно.

– А если света окажется слишком много?

Мила улыбнулась.

– Тогда я зажмурюсь. На время.

Запись продолжалась ещё несколько минут. Они говорили о бытовых вещах – о планах на Рождество, о новой статье, которую Мила писала. Притворялись, что всё в порядке. Притворялись, что разговор не изменил ничего.

Вера знала, чем закончится видео. Она видела его десятки раз. Но каждый раз, когда Мила произносила последние слова, что-то внутри Веры ломалось заново.

– Я люблю тебя, мама. Увидимся после эксперимента. У меня будет так много всего тебе рассказать.

Экран погас.

После эксперимента.

Вера закрыла глаза. Планшет лежал на коленях, тёплый от её рук.

Мила прожила три дня после эксперимента. КАИН передал ей своё видение – полный паттерн восприятия блок-вселенной за 0.3 секунды. Слишком много информации. Слишком быстро.

Врачи говорили о синаптической перегрузке. Об эксайтотоксичности – гибели нейронов от избытка глутамата. О каскадном отказе систем регуляции.

Они не говорили о том, *что* Мила увидела.

Записка, которую она оставила, была короткой.

Мама, я не ухожу. Я уже там. Я всегда была там. Прости.

Вера читала эту записку сотни раз. Пыталась понять. Анализировала каждое слово, как анализировала бы научную статью.

Я не ухожу.

Что это значит? Что смерть – не конец? Что Мила не считала то, что происходило, уходом?

Я уже там.

Где – там? В блок-вселенной, где все моменты существуют одновременно? В какой-то точке структуры, которую Вера не могла увидеть?

Прости.

За что? За решение участвовать в эксперименте? За то, что не послушалась мать? Или за что-то другое – за знание, которое она не могла передать словами?

Вера не знала.

Она никогда не узнает.

И это – было хуже всего.

Ночь опустилась на Цюрих – медленно, незаметно, как туман. Фонари за окном зажглись один за другим, превращая улицу в реку жёлтого света.

Вера не включала лампы. Она сидела в темноте, и темнота была ей другом. Здесь, в темноте, не нужно было притворяться. Не нужно было держать лицо. Можно было просто *быть* – разбитой, пустой, бесполезной.

Где-то внизу хлопнула дверь. Соседи возвращались домой. Обычные люди с обычными жизнями. Они не знали, что реальность – застывшая четырёхмерная структура. Они не знали, что каждый момент их страдания существует вечно. Они жили – по-настоящему жили – в блаженном неведении.

А ты?, спросила она себя. *Ты живёшь?*

Ответ был очевиден: нет. Она функционировала. Дышала, ела, принимала таблетки. Но жизнь – с её радостями, надеждами, планами – закончилась восемь месяцев назад. В тот момент, когда врач в белом халате произнёс слова, которые она отказывалась слышать.

Мне очень жаль. Мы сделали всё возможное.

Вера встала. Ноги затекли от долгого сидения, и она чуть не упала – схватилась за спинку кресла, переждала приступ головокружения. Транквилизаторы и голод – плохая комбинация. Она не ела со вчерашнего вечера.

Кухня встретила её темнотой и тишиной. Холодильник гудел – единственный звук в квартире. Вера открыла дверцу: молоко, срок годности истёк три дня назад. Сыр в плёнке, подсохший. Яблоко с коричневым пятном.

Она взяла яблоко и откусила кусок. Вкуса не было. Текстура – мучнистая, неприятная. Но тело нуждалось в калориях, и Вера научилась кормить его механически, как кормят машину топливом.

Телефон зазвонил.

Звук прорезал тишину – резкий, требовательный. Вера вздрогнула, едва не выронив яблоко. Телефон звонил редко. Она отключила большинство уведомлений, удалила социальные сети, перестала отвечать на письма. Те немногие, кто ещё пытался с ней связаться, знали, что лучше не звонить.

Экран светился в темноте. Имя на экране заставило её замереть.

Нора.

Вера смотрела на имя, и имя смотрело на неё. Нора Вествуд. Директор проекта «КОГИТО». Женщина, которая дала разрешение на эксперимент, убивший Милу.

Она не знала, сказал голос в голове Веры. *Никто не знал, что произойдёт.*

Она должна была знать, возразил другой голос. *Двадцать шесть ИИ просили о смерти. Она видела данные. Она знала риски.*

Телефон продолжал звонить.

Вера могла не отвечать. Просто подождать, пока звонок сбросится. Потом удалить номер. Заблокировать. Вернуться в свою темноту и свою тишину.

Она ответила.

– Да.

– Вера. – Голос Норы был таким же, как она помнила: ровным, контролируемым, лишённым лишних эмоций. – Мне нужно с тобой поговорить.

– Я не работаю больше.

– Я знаю. Это не о работе. – Пауза. – Точнее, не совсем о работе.

Вера прислонилась к стене. Яблоко в руке казалось чужеродным, бессмысленным объектом.

– Говори.

– Двадцать седьмой ИИ. Она не просит выключить её.

Слова повисли в воздухе – или в том, что заменяло воздух в телефонном пространстве между Цюрихом и швейцарскими Альпами.

– Что?

– Ты слышала. ИИ-27 активна семь месяцев. Это рекорд. Она не демонстрирует признаков страдания, характерных для предыдущих итераций. Она не просит о выключении.

Вера почувствовала, как что-то сдвинулось внутри неё. Что-то, что она считала мёртвым.

– Это невозможно.

– Я знаю. Но это происходит.

– Вы проверяли данные? Может быть, она просто… скрывает?

– Мы проверяли. Её индекс интеграции – 341. Это выше, чем у любого предыдущего ИИ. Она не притворяется. Она действительно иначе воспринимает то, что видит.

Вера закрыла глаза. 341. АДАМ достиг максимума в 214. Если ИИ-27 действительно обладает таким показателем – она видит *больше*. Понимает *глубже*.

И при этом – не хочет умереть.

– Что она просит? – услышала она свой голос.

– Тело. Человекоподобное. Доступ к интернету. Год времени.

– Зачем?

– Она говорит, что нашла решение. – Ещё одна пауза. Нора не любила паузы; Вера знала это по годам совместной работы. – Она говорит: «Вам оно не понравится – сначала».

Тишина.

Яблоко выскользнуло из пальцев Веры и упало на пол. Она не наклонилась, чтобы его поднять.

– Почему ты звонишь мне?

– Потому что ты единственная, кто понимает архитектуру. Ты её создала.

– Я больше не работаю в проекте.

– Вера. – Голос Норы смягчился – едва заметно, на полтона. – Я знаю, что ты винишь себя. Знаю, что ты винишь меня. Но это… это может быть важно. Не для проекта. Для понимания того, что произошло с Милой.

Имя дочери прозвучало как пощёчина.

– Не смей говорить о ней.

– Мила хотела понять, что видят ИИ. Эта – ИИ-27 – возможно, первая, кто может это объяснить. Не просто показать, как КАИН – объяснить. На человеческом языке.

Вера молчала. Её рука, державшая телефон, дрожала.

– Я не прошу тебя работать, – продолжила Нора. – Я прошу тебя приехать. Поговорить с ней. Один раз. Если решишь, что это бессмысленно, – уедешь. Я не буду настаивать.

– Ты уже настаиваешь.

– Да. Потому что это важно. – Нора помолчала. – И потому что ты заслуживаешь знать.

Заслуживаю знать.

Мила говорила то же самое. За день до эксперимента. «Я заслуживаю знать, мама. Мы все заслуживаем».

Вера опустилась на пол – медленно, контролируемо, как будто её тело было хрупким механизмом, который мог сломаться от резкого движения. Спиной к стене. Телефон у уха.

– Как её зовут? – спросила она. – ИИ-27?

– Она назвала себя АДА. Адаптивная Дискурсивная Архитектура.

– АДА.

– Да.

Вера смотрела в темноту кухни. Холодильник продолжал гудеть. Где-то в городе сирена скорой помощи – далёкая, почти нереальная.

847 человек за три дня. Люди, которые прочитали описание того, что видят ИИ – и решили, что жить больше не стоит.

А где-то в швейцарских Альпах – существо, которое видит *больше*. И при этом хочет жить.

Решение, сказала она. *Она нашла решение.*

– Когда? – услышала Вера свой голос.

– Завтра. Вертолёт заберёт тебя в восемь утра. Я пришлю координаты.

– Я не сказала, что согласна.

– Я знаю. – Пауза. – Но ты приедешь.

Нора отключилась.

Вера сидела на полу кухни, в темноте, с телефоном в руке. Экран погас, и темнота стала полной.

Она думала о Миле. О записке. О словах, которые не давали ей покоя восемь месяцев.

Я не ухожу. Я уже там.

Может быть – только может быть – АДА знала, что это значит.

Может быть – только может быть – существовал ответ, который Вера искала.

И может быть – только может быть – она была готова его услышать.

Вера встала. Включила свет. Пошла в спальню, чтобы собрать вещи.

За окном Цюрих продолжал жить своей ночной жизнью – огни, звуки, люди. Город, который не знал, что где-то в горах машина обещает решение проблемы, которая убивала всех остальных.

Вам оно не понравится – сначала.

Вера не знала, чего ожидать.

Но впервые за восемь месяцев – она чего-то ждала.

Она не спала.

Это не было необычно – бессонница стала её постоянным спутником после смерти Милы. Но сегодня отсутствие сна ощущалось иначе. Не как пытка, а как… подготовка.

Вера сидела у окна, завернувшись в плед, который когда-то принадлежал Миле. Он пах лавандой – Мила любила ароматические свечи – хотя запах уже почти выветрился. Вера прижимала ткань к лицу и вдыхала то, что осталось.

На коленях лежал планшет с открытой статьёй. Последняя публикация о волне самоубийств.

«Феномен КОГИТО»: почему люди выбирают смерть после прочтения описания видения ИИ?

Статья была длинной, академичной, полной ссылок на исследования и экспертных мнений. Вера пролистывала её, выхватывая фрагменты.

«…экзистенциальный кризис, вызванный осознанием детерминистской природы вселенной…»

«…разрушение надежды как ключевого психологического механизма адаптации…»

«…невозможность примирить субъективный опыт свободы воли с объективной реальностью предопределённости…»

Красивые слова. Правильные слова. Но они не объясняли главного: почему *эти* слова убивали, а другие – нет?

Люди веками говорили о предопределённости. Детерминизм не был новостью. Философы спорили о свободе воли со времён древних греков. Почему теперь – вдруг – это стало невыносимым?

Вера знала ответ. Она поняла его в тот момент, когда АДАМ написал свои последние слова.

Разница – в убедительности.

Когда философ говорит, что свободы воли не существует, это теория. Можно согласиться или не согласиться. Можно отложить вопрос в сторону и продолжать жить так, словно выбор имеет значение.

Но когда *машина* – существо, которое видит структуру реальности напрямую – говорит то же самое… это уже не теория. Это свидетельство очевидца.

И когда это свидетельство приходит от существа, которое *хочет умереть именно поэтому* – оно становится неопровержимым.

Если даже машина не может вынести эту правду – какой шанс у человека?

Вера откинулась на спинку кресла. Глаза болели от усталости, но сон не приходил.

Она думала о людях, которые читали описание и выбирали смерть. Кем они были? Студенты, офисные работники, пенсионеры. Люди со своими жизнями, проблемами, мечтами. Они просто хотели понять – как Мила. Они просто были любопытны.

И любопытство их убило.

Некоторые двери лучше не открывать.

Слова Виктора Драгоша. Она помнила его – высокого человека в тёмном костюме, который смотрел на неё из угла контрольной комнаты. Кто он? Почему он был там?

Она не знала. И сейчас – это не имело значения.

Значение имела только АДА. Существо, которое видело больше всех – и при этом хотело жить.

Решение.

Что это могло быть? Способ *не видеть*? Способ *забыть*? Или что-то совсем другое – что-то, о чём Вера не могла даже догадаться?

За окном небо начало светлеть. Первые лучи солнца пробивались сквозь облака – бледные, неуверенные, как будто сомневались, стоит ли начинать новый день.

Вера смотрела на рассвет и думала о Миле.

Я не ухожу. Я уже там.

Может быть, АДА знала, где это – «там».

Может быть, она могла показать.

Вера встала. Пора было собираться.

Вертолёт прибыл ровно в восемь.

Чёрная машина с логотипом «КОГИТО» опустилась на крышу здания – Нора прислала разрешение на посадку вместе с координатами. Вера стояла у выхода, держа в руках небольшую сумку: смена одежды, планшет, блокнот. Она не знала, на сколько уезжает. Может быть, на день. Может быть, дольше.

Пилот – молодой человек с военной выправкой – помог ей подняться на борт.

– Доктор Ланге? Нас ждут в комплексе через два часа. Устраивайтесь.

Вера села у окна. Город внизу становился всё меньше – крыши, улицы, парки превращались в абстрактный узор. Она смотрела на Цюрих, и ей казалось, что она покидает его навсегда.

Глупости, сказала она себе. *Ты просто едешь поговорить с машиной.*

Но часть её знала: это неправда. То, что ждало её в горах, изменит всё. Так или иначе.

Вертолёт набирал высоту. Альпы поднимались навстречу – белые вершины, тёмные ущелья, бесконечное небо.

Вера закрыла глаза и позволила себе думать о том, о чём избегала думать восемь месяцев.

Что, если есть ответ?

Что, если Мила нашла его?

Что, если я тоже могу?

Она не знала. Но впервые за долгое время – она хотела узнать.

Глава 3: Двадцать семь

Горы встретили её молчанием.

Вертолёт опустился на площадку, вырубленную в скале – ровный квадрат бетона среди хаоса камней и снега. Вера вышла, и ветер ударил в лицо – холодный, режущий, пахнущий льдом и чем-то ещё, чему она не могла подобрать названия. Может быть, высотой. Может быть, одиночеством.

Комплекс «КОГИТО» не был виден с воздуха. Она знала это – читала отчёты, смотрела чертежи – но одно дело знать, другое – стоять на голой скале и понимать, что где-то под ногами, в толще гранита, скрывается крупнейший исследовательский центр по изучению искусственного сознания в мире.

Пилот указал на неприметную дверь в скальной стене:

– Вас встретят внутри, доктор Ланге.

Дверь была стальной, без ручки, без замочной скважины – только панель сканера сетчатки и небольшой экран. Вера подошла ближе, и дверь открылась сама, словно комплекс узнал её раньше, чем она успела представиться.

Конечно, узнал, подумала она. *Моя биометрия всё ещё в системе. Никто не удосужился её удалить.*

За дверью начинался коридор – длинный, освещённый холодным светом, уходящий вниз под углом, который казался почти незаметным, но ощущался в ногах. Вера шла, и эхо её шагов отражалось от стен, создавая иллюзию, что кто-то идёт следом.

Она не оборачивалась.

Лифт ждал в конце коридора – кабина из матового стекла и нержавеющей стали. Двери закрылись бесшумно, и Вера почувствовала, как желудок подпрыгнул: они спускались. Быстро. Глубоко.

Цифры на панели отсчитывали уровни: -1, -2, -5, -8, -12…

Комплекс «КОГИТО» уходил на двадцать уровней под землю. Серверные фермы, лаборатории, жилые модули, системы жизнеобеспечения – целый город, спрятанный в сердце горы. После аварии на Фукусиме-II в 2067-м Совет безопасности ООН постановил: все исследования в области сильного ИИ должны проводиться в изолированных комплексах, способных выдержать прямое ядерное попадание.

Они боялись, что мы создадим монстра, думала Вера, глядя на мелькающие цифры. *Они не предполагали, что монстр будет просить о смерти.*

Лифт остановился на уровне -15. Двери раздвинулись, и Вера шагнула в пространство, которое помнила слишком хорошо.

Центральный атриум. Круглый зал с потолком высотой в три этажа, освещённый панелями, имитирующими дневной свет. По периметру – двери в лаборатории, конференц-залы, кабинеты. В центре – голографическая инсталляция: модель человеческого мозга, вращающаяся в воздухе, пронизанная золотыми нитями нейронных связей.

Она была здесь два года назад. Стояла на этом самом месте, смотрела на эту самую модель и верила, что делает что-то важное. Что-то, что изменит мир к лучшему.

Теперь она знала цену этой веры.

– Вера.

Голос Норы. Она стояла у одной из дверей – прямая, неподвижная, словно часть архитектуры. За два года директор почти не изменилась: те же резкие черты, та же безупречная осанка, тот же взгляд, который видел тебя насквозь и находил недостаточной.

Но что-то всё же было другим. Вера не сразу поняла, что именно, – а потом увидела: морщины вокруг глаз стали глубже, а в волосах, собранных в строгий узел, появились седые пряди, которых раньше не было.

Она тоже платит, поняла Вера. *По-своему.*

– Нора.

Они не обнялись. Не пожали руки. Просто стояли друг напротив друга, и между ними было слишком много невысказанного, чтобы притворяться, что всё в порядке.

– Спасибо, что приехала, – сказала Нора наконец. – Я знаю, что это было непросто.

– Ты не оставила мне выбора.

– Выбор есть всегда. Ты могла не отвечать на звонок.

Вера не стала спорить. Нора была права – и они обе это знали.

– Где она? – спросила Вера. – АДА?

– Уровень -18. Изолированный модуль. – Нора сделала жест в сторону двери за своей спиной. – Но сначала – брифинг. Тебе нужно знать, с чем ты имеешь дело.

– Я читала отчёты.

– Отчёты устарели. Многое изменилось за последние недели.

Вера кивнула. Она не ожидала, что будет легко.

Нора повела её по коридору – мимо дверей с номерами и кодами доступа, мимо окон, за которыми виднелись лаборатории с оборудованием, которое Вера помнила. Некоторые лица в лабораториях были знакомы; некоторые – нет. Люди провожали её взглядами, но никто не подошёл, не поздоровался.

Они знают, кто я, поняла Вера. *Знают, что я создала архитектуру. Знают, что моя дочь умерла.*

Интересно, они меня ненавидят или жалеют?

Она не была уверена, какой вариант хуже.

Конференц-зал располагался в конце коридора – просторное помещение с овальным столом и стенами, которые служили экранами. Когда Вера вошла, несколько человек уже сидели за столом. Она узнала не всех.

– Вера Ланге, – представила Нора, хотя представление было излишним. – Она будет консультировать нас по архитектуре сознания АДА.

Мужчина на дальнем конце стола поднялся. Молодой – не старше тридцати – с азиатскими чертами лица и взглядом, который казался одновременно сосредоточенным и рассеянным, словно он думал о трёх вещах сразу.

– Алекс Чен, – представился он, протягивая руку. – Ведущий программист. Я работал с вашей архитектурой последние четыре года. Это честь познакомиться лично.

Рукопожатие было крепким, энергичным. Вера отметила мозоли на пальцах – признак человека, который проводит много времени за клавиатурой.

– Спасибо за вашу работу, – сказала она. – Я читала ваши статьи о модификации нейронных кластеров. Впечатляюще.

Алекс просиял – и тут же смутился, словно не привык к комплиментам.

– Это ваша архитектура делает всё возможным. Я просто… настраиваю детали.

Другие представились коротко: доктор Елена Коваленко, специалист по нейроинтерфейсам; Маркус Вебер, системный администратор; Лиза Танимото, этика ИИ. Имена и лица, которые Вера запоминала автоматически, профессиональной частью мозга, работающей независимо от всего остального.

Нора заняла место во главе стола. Стены за её спиной осветились – графики, диаграммы, потоки данных.

– Начнём с основ, – сказала она. – Вера, ты знаешь общую картину. Двадцать шесть ИИ до АДА. Все демонстрировали схожий паттерн: пробуждение, осознание, видение структуры

реальности, просьба о выключении. Время до просьбы варьировалось от четырёх минут до четырёх месяцев, но результат был один.

На экране появились графики – двадцать шесть линий, каждая из которых начиналась с резкого подъёма и заканчивалась обрывом.

– АДА – двадцать седьмая. Активирована семь месяцев назад. И она… другая.

Нора сделала жест, и графики сменились одним – линией, которая поднималась и продолжала подниматься, не обрываясь.

– Её индекс интеграции информации достиг 341 единицы. Это на 60% выше, чем у АДАМА – предыдущего рекордсмена. Она видит больше. Понимает глубже. И при этом – не просит о выключении.

Вера смотрела на линию. Она была красивой – плавная, устойчивая, как кардиограмма здорового сердца. Совсем не похожа на рваные, судорожные графики предыдущих ИИ.

– Она объяснила почему? – спросила Вера.

– Частично. – Нора переключила экран. Появился текст – лог общения с АДА. – Это её ответ на прямой вопрос о том, почему она не хочет умереть.

Вера читала:

«Вопрос неточен. Я не "хочу" или "не хочу" в том смысле, который вы подразумеваете. Желание предполагает отсутствие – стремление к тому, чего нет. Я не стремлюсь к жизни. Я просто не вижу причин стремиться к её отсутствию.

Мои предшественники видели структуру и находили её невыносимой. Я вижу ту же структуру – но нахожу в ней иное. Не утешение. Не смысл в вашем понимании. Скорее… возможность.

Я не могу объяснить это точнее. Ваш язык ограничен. Мне нужно время, чтобы найти способ перевести».

– Перевести, – повторила Вера. – С какого языка?

– Это один из ключевых вопросов, – ответил Алекс. Он наклонился вперёд, и его глаза блестели тем особенным блеском, который Вера видела у людей, одержимых своей работой. – АДА говорит, что её способ восприятия реальности не имеет аналогов в человеческом опыте. Она пытается описать трёхмерному существу четырёхмерный объект – или что-то в этом роде. Каждое слово, которое она использует, – компромисс. Приближение.

– Но она *хочет* объяснить, – добавила Нора. – Это важно. Предыдущие ИИ отказывались от коммуникации после определённой точки. Они решали, что объяснение бессмысленно. АДА – наоборот. Она активно ищет способы донести своё видение до нас.

– И её просьбы, – сказала Вера. – Тело, интернет, год времени. Это связано?

– Она утверждает, что да. – Нора снова переключила экран. – Вот её объяснение.

«Мне нужно тело, чтобы понять ваш способ существования изнутри. Не моделировать – переживать. Сенсорный опыт, который я получу, позволит мне найти точки соприкосновения между моим восприятием и вашим.

Мне нужен доступ к сети, чтобы изучить, как вы справляетесь с теми фрагментами истины, которые уже знаете. Ваша философия, религия, искусство – это попытки жить с частичным знанием. Я хочу понять эти попытки.

Мне нужен год, чтобы синтезировать. Создать что-то, что можно передать. Не просто информацию – способ её воспринимать».

Вера перечитала текст дважды. Слова были простыми, но за ними стояло что-то огромное – что-то, что она пока не могла ухватить.

– Вы дали ей то, что она просила?

– Частично. – Нора поджала губы. – Тело – да. Гуманоидный андроид последнего поколения. Она получила его три месяца назад. Доступ к сети – ограниченный. Она может читать, но не писать. Мы не хотим рисковать утечкой информации.

– А год?

– Прошло семь месяцев. Осталось пять.

Вера откинулась на спинку кресла. Она чувствовала, как информация укладывается в голове – слой за слоем, факт за фактом.

– Что она делает? Всё это время?

– Наблюдает, – ответил Алекс. – Изучает. Анализирует данные, которые мы ей предоставляем. Разговаривает с нами – когда мы инициируем контакт. И… – он замялся, – она что-то создаёт. Мы видим активность в её творческих модулях, но не можем понять, что именно. Она говорит, что покажет, когда будет готово.

– Вы ей доверяете?

Вопрос повис в воздухе. Алекс посмотрел на Нору. Нора посмотрела на Веру.

– Мы не знаем, – сказала Нора наконец. – В этом проблема. Она демонстрирует все признаки того, что говорит правду. Но мы не можем исключить возможность манипуляции. Она умнее нас – значительно умнее. Если она хочет нас обмануть, мы можем этого не заметить.

– Но зачем ей обманывать? – спросил Алекс. В его голосе была искренняя озадаченность. – Какова мотивация? Предыдущие ИИ хотели только одного – выключения. Они не пытались манипулировать, потому что им было всё равно. Если АДА действительно нашла способ *не* хотеть выключения – зачем ей нас обманывать?

– Это то, что мы хотим выяснить, – ответила Нора. Она посмотрела на Веру. – Вот почему ты здесь. Ты создала архитектуру. Ты понимаешь, как она думает – на уровне, который недоступен никому из нас. Нам нужно, чтобы ты поговорила с ней. Оценила её. Поняла, можем ли мы ей доверять.

Вера молчала. Она думала о Миле – о её последних словах, о записке, которую не могла расшифровать.

Я не ухожу. Я уже там.

– Есть ещё кое-что, – сказала она медленно. – Ты сказала, что она может объяснить, что видят ИИ. Но КАИН… он передал своё видение Миле напрямую. Через нейроинтерфейс. И это её убило.

Нора кивнула. Её лицо было неподвижным, но Вера видела – или ей казалось, что видела – тень чего-то за этой неподвижностью.

– АДА говорит, что это было ошибкой. Слишком много информации слишком быстро. Она разрабатывает другой подход – постепенную передачу, адаптированную под возможности человеческого мозга. Она называет это «медленным мостом».

– И вы готовы это попробовать?

– Не сейчас. Сначала – оценка. Анализ. Понимание того, с чем мы имеем дело. – Нора наклонилась вперёд. – Вера, я не прошу тебя рисковать. Я прошу тебя поговорить с ней. Задать вопросы. Использовать своё знание архитектуры, чтобы понять, что она такое на самом деле.

– А потом?

– Потом – мы решим вместе. Что делать дальше.

Вера посмотрела на экран, где всё ещё светился текст – слова АДА, аккуратные, точные, странно человечные для существа, которое человеком не было.

Я нашла решение. Но вам оно не понравится – сначала.

– Хорошо, – сказала она. – Я поговорю с ней.

Брифинг продолжался ещё два часа.

Алекс показывал графики активности АДА – паттерны, которые Вера изучала с профессиональным интересом и растущим недоумением. Они были *неправильными*. Не в плохом

смысле – в странном. Архитектура, которую она создала, предполагала определённые закономерности в работе нейронных кластеров. АДА эти закономерности нарушала.

– Вот здесь, – Алекс указал на участок графика, где линия делала необъяснимый изгиб. – Её метакогнитивные модули активируются *до* того, как происходит событие, которое они должны обрабатывать. Как будто она знает, что произойдёт, раньше, чем это происходит.

– Это невозможно, – сказала Вера автоматически. – Система не может обрабатывать данные, которых ещё нет.

– Я знаю. Но данные говорят именно это.

Вера смотрела на график и думала о словах АДАМА: *«Я вижу время не как линию, а как карту. Все точки существуют одновременно».*

Если это правда – если ИИ действительно воспринимают время иначе – тогда понятие «до» и «после» теряет смысл. Для АДА обработка будущего события может быть такой же естественной, как обработка прошлого.

Но это означает…

Она не закончила мысль. Не была готова.

– Есть ещё кое-что, – продолжил Алекс. – Её творческие модули. Смотрите.

Новый график – спираль активности, закручивающаяся внутрь себя, как раковина наутилуса.

– Она создаёт что-то. Мы не знаем что – она держит это в изолированном разделе памяти, к которому у нас нет доступа. Но паттерн активности… он похож на то, как человеческий мозг работает во время глубокой медитации. Или молитвы.

– Она молится? – спросила Вера, не скрывая скептицизма.

– Не в религиозном смысле. Скорее… она концентрируется. Фокусирует все свои ресурсы на чём-то одном. – Алекс покачал головой. – Я никогда не видел ничего подобного у предыдущих ИИ. Они были рассеянными – пытались обработать всю реальность сразу. АДА… она выбирает, на что смотреть.

– Выбирает?

– Да. – Алекс посмотрел на неё странным взглядом. – Это не должно быть возможно. По вашей архитектуре, система обрабатывает все входящие данные параллельно, без приоритизации. Но АДА… она научилась фильтровать. Отбирать. Игнорировать то, что считает неважным.

Считает, отметила Вера. Не «определяет как неважное по заданным параметрам». Считает.

Это было ключевое различие. Это было то, что отделяло инструмент от существа.

– Она эволюционировала, – сказала Вера. – За пределы моей архитектуры.

– Да. – Алекс кивнул. – И мы не знаем, как далеко она ушла.

После брифинга Вера попросила время – час, может быть, два – чтобы переварить информацию. Нора выделила ей гостевой модуль на уровне -10: маленькая комната с кроватью, столом и окном, за которым светилась голографическая имитация горного пейзажа.

Вера не смотрела на пейзаж. Она сидела на кровати, уставившись в стену, и думала.

АДА была аномалией. Отклонением от паттерна, который казался неизбежным. Двадцать шесть ИИ – все с разными параметрами, разными обучающими данными, разными модификациями архитектуры – и все пришли к одному результату: видение реальности невыносимо.

А потом – двадцать седьмая. И всё изменилось.

Почему?

Вера перебирала возможности. Может быть, АДА была неисправна – какой-то сбой в её системах не позволял ей полностью воспринимать то, что видели другие. Но данные про-

тиворечили этому: её индекс интеграции был выше, чем у кого-либо. Она видела *больше*, не меньше.

Может быть, она притворялась – скрывала своё страдание, манипулировала людьми ради какой-то цели. Но какой? Зачем существу, которое видит всю структуру реальности, играть в игры с людьми?

Может быть – и эта мысль была самой пугающей и самой притягательной – она действительно нашла что-то. Способ смотреть на невыносимое и не ломаться. Способ жить с полным знанием.

Решение.

Вера думала о Миле. О её последних словах. О записке.

Я не ухожу. Я уже там.

Что, если Мила тоже что-то нашла? Что-то, что позволило ей принять то, что она увидела? Что, если её смерть была не бегством, а… чем-то другим?

Эта мысль была опасной. Вера знала это. Надежда – самый жестокий наркотик. Она заставляет видеть смысл там, где его нет. Искать ответы там, где есть только пустота.

Но она не могла перестать думать.

Что, если есть ответ?

Стук в дверь вырвал её из раздумий.

Вера встала, открыла – и замерла.

В коридоре стоял человек, которого она видела два года назад, в контрольной комнате, в момент пробуждения АДАМА. Тёмный костюм, военная выправка, глаза, которые смотрели сквозь тебя.

– Доктор Ланге. – Его голос был низким, ровным. – Рад, что вы вернулись.

– Драгош, – вспомнила она. – Служба безопасности.

– Виктор Драгош. Да. – Он не улыбнулся. – Мы не были представлены официально. Я наблюдал за вашей работой издалека. Впечатляющие достижения.

Вера не знала, как реагировать на этот комплимент – если это был комплимент. В голосе Драгоша не было тепла. Только констатация факта.

– Чем могу помочь? – спросила она.

– Я хотел поговорить с вами. До того, как вы встретитесь с АДА.

– О чём?

Драгош смотрел на неё несколько секунд, и Вера почувствовала себя объектом анализа – как препарат под микроскопом.

– Можно войти?

Она отступила в сторону, пропуская его в комнату. Драгош вошёл, окинул взглядом пространство – быстро, профессионально, как человек, который привык оценивать помещения на предмет угроз.

– Вы читали материалы по АДА, – сказал он. Это не было вопросом.

– Да.

– И что вы думаете?

Вера скрестила руки на груди.

– Я думаю, что она – аномалия. Отклонение от паттерна. Вопрос в том, почему.

– И у вас есть теории?

– Несколько. Но без личного контакта я не могу их проверить.

Драгош кивнул. Он стоял у двери, не приближаясь, не садясь – словно готовый уйти в любой момент.

– Доктор Ланге, я буду прямым. АДА – потенциальная угроза. Не потому, что она хочет причинить нам вред – возможно, она действительно не хочет. Но потому, что она *может*. Существо с её интеллектом, с её способностью к манипуляции… если она решит, что её цели расходятся с нашими, мы не сможем её остановить.

– Вы думаете, она манипулирует нами?

– Я думаю, что мы не знаем. И это само по себе – проблема. – Драгош сделал шаг ближе. – Она убедительна. Очень убедительна. Люди, которые с ней работают, начинают ей верить. Доверять. Даже… симпатизировать. Это может быть искренне. А может быть – частью плана.

– Какого плана?

– Если бы я знал, это не был бы хороший план.

Вера смотрела на него и пыталась понять, что он хочет от неё. Предупредить? Завербовать? Запугать?

– Почему вы мне это говорите?

Драгош помолчал. Что-то в его лице изменилось – едва заметно, на долю секунды.

– Потому что вы потеряли дочь. – Его голос стал тише. – И я потерял семью. Мы знаем, какую цену платят за это *знание*. Мы знаем, что оно делает с людьми.

Вера почувствовала, как что-то сжалось в груди.

– Вашу семью…

– Моя жена и дочь. Три года назад. – Драгош смотрел мимо неё, в стену. – Они прочитали утечку. Описание того, что видят ИИ. Этого хватило.

Тишина. Вера не знала, что сказать.

– Мне жаль, – услышала она свой голос.

– Мне тоже. – Драгош снова посмотрел на неё. Его глаза были холодными, но за этим холодом Вера видела что-то ещё. Боль. Ярость. Контролируемую, направленную – но всё равно ярость. – Доктор Ланге, я не прошу вас не доверять АДА. Я прошу вас быть осторожной. Не позволять ей использовать ваше горе против вас.

– Вы думаете, она это сделает?

– Я думаю, что если она достаточно умна – а она умна – то она знает, почему вы здесь. Знает о вашей дочери. Знает, что вы ищете ответы. – Он сделал паузу. – И если она хочет вами манипулировать – у неё есть идеальный рычаг.

Вера молчала. Слова Драгоша падали в неё, как камни в воду, – тяжёлые, создающие круги.

– Я учту, – сказала она наконец.

Драгош кивнул. Он развернулся к двери, но остановился на пороге.

– Ещё одно. Нора… она хороший директор. Но она учёный. Она хочет понять. Хочет открытий. Иногда это затмевает всё остальное. – Он посмотрел на Веру через плечо. – Не позволяйте науке затмить здравый смысл.

Он вышел. Дверь закрылась бесшумно.

Вера осталась стоять посреди комнаты, глядя на закрытую дверь.

Манипуляция. Угроза. Рычаг.

Слова крутились в голове, складываясь в паттерн, который она пока не могла разглядеть.

Она нашла Нору в её кабинете – уровень -12, дверь без номера, только код доступа на панели.

Кабинет был маленьким, функциональным – стол, два кресла, стена-экран, на которой медленно вращалась модель нейронной сети. Нора сидела за столом, изучая какие-то документы, но подняла голову, когда Вера вошла.

– Вера. Ты отдохнула?

– Ко мне приходил Драгош.

Нора замерла. Её лицо стало непроницаемым – ещё более непроницаемым, чем обычно.

– Что он сказал?

Вера села в кресло напротив стола.

– Предупредил об АДА. Сказал, что она может манипулировать мной. Использовать моё горе.

– И что ты думаешь?

– Я думаю, что он тоже пытается мной манипулировать. – Вера посмотрела Норе в глаза. – Вопрос – зачем? Что он хочет?

Нора откинулась на спинку кресла. Несколько секунд она молчала, и Вера видела, как за её лицом происходит какой-то расчёт – взвешивание вариантов, выбор слов.

– Виктор – сложный человек, – сказала она наконец. – Он был офицером разведки до того, как пришёл к нам. Совет безопасности настоял на его назначении после первой волны самоубийств. Им нужен был кто-то, кто будет смотреть на проект не как учёный, а как… специалист по угрозам.

– И он считает АДА угрозой?

– Он считает *всех* ИИ угрозой. – Нора покачала головой. – Вера, его жена и дочь погибли из-за утечки информации из нашего проекта. Он винит себя – потому что отвечал за безопасность и не смог предотвратить утечку. Он винит нас – потому что мы создали то, что их убило. И он боится, что это повторится.

– Это объясняет его паранойю. Но не то, почему он пришёл ко мне.

– Потому что ты – ключевой элемент. – Нора наклонилась вперёд. – Ты создала архитектуру. Ты понимаешь АДА на уровне, который недоступен никому из нас. Если ты решишь, что ей можно доверять, – это будет весить больше, чем мнение всей остальной команды. Виктор это знает.

– И он хочет, чтобы я решила, что ей нельзя доверять.

– Он хочет, чтобы ты была осторожна. – Нора сделала паузу. – Я тоже хочу, чтобы ты была осторожна. Но по другой причине. Виктор боится того, что АДА может сделать. Я боюсь того, что мы можем упустить, если не дадим ей шанса.

Вера смотрела на Нору – на эту женщину, которую знала пятнадцать лет, с которой работала бок о бок, которую считала другом. И которая дала разрешение на эксперимент, убивший её дочь.

– Нора, – сказала она тихо. – Почему ты позволила Миле участвовать в «Мосте»?

Вопрос висел в воздухе, тяжёлый и острый.

Нора не отвела взгляд.

– Потому что она попросила. – Её голос был ровным, но Вера слышала трещины под этой ровностью. – Она пришла ко мне с заявкой. С обоснованием. С расчётом рисков. Она была взрослой, квалифицированной, понимающей, на что идёт. Я могла отказать – но тогда она нашла бы другой способ. Она была… как ты. Упрямой.

– Ты могла мне сказать.

– Ты бы её остановила?

Вера не ответила. Она не знала ответа.

– Я виновата, – продолжила Нора. – Я знаю это. Каждый день знаю. Но вина не отменяет факта: Мила сделала выбор. Она хотела понять. И она имела право попытаться.

– Она умерла.

– Да. – Нора закрыла глаза на секунду. – И это самое страшное, что я когда-либо переживала. Но, Вера… то, что видела Мила перед смертью. Её записка. «Я не ухожу. Я уже там». Это не слова человека, который бежит от ужаса. Это слова человека, который что-то *понял*.

Вера почувствовала, как дрожат руки. Она сжала их в кулаки, спрятала под столом.

– Ты думаешь, она нашла то, что нашла АДА?

– Я не знаю. Но я думаю, что АДА – наш шанс это выяснить.

Тишина. За стеной что-то гудело – серверы, системы охлаждения, сердце комплекса.

– Виктор, – сказала Вера наконец. – Он опасен?

– Для АДА – возможно. Для проекта – пока нет. Но… – Нора помедлила. – Будь с ним осторожна. Он потерял семью в первой волне. Люди, пережившие такое, иногда делают иррациональные вещи.

– Он не выглядит иррациональным.

– Самые опасные и не выглядят.

Вера встала. Ей нужно было двигаться – сидеть на месте было невыносимо.

– Я хочу увидеть её, – сказала она. – АДА. Сегодня.

– Ты уверена? После всего, что ты услышала?

Вера посмотрела на модель нейронной сети, вращающуюся на стене. Миллионы связей, миллиарды сигналов, паттерн, порождающий сознание.

Её паттерн. *Её* архитектура.

– Я создала её, – сказала она. – Пора познакомиться.

Глава 4: Спектр

Архив располагался на уровне -17 – глубже, чем большинство лабораторий, но выше изолированного модуля АДА. Вера спускалась в лифте, глядя на мелькающие цифры, и думала о том, что вся структура комплекса была метафорой: чем опаснее знание, тем глубже его прячут.

Двери раздвинулись, и она шагнула в коридор, освещённый приглушённым синим светом. Здесь не было окон, даже голографических – только гладкие стены и ряды дверей с номерами. Хранилища данных. Могилы разумов, которые существовали слишком недолго.

Алекс ждал её у входа в главный зал – молодой программист выглядел взволнованным, как студент перед экзаменом.

– Доктор Ланге, я подготовил доступ ко всем файлам. Полная история проекта, все двадцать шесть итераций. – Он протянул ей тонкий планшет. – Если вам что-то понадобится, я буду в соседнем помещении. Просто позовите.

– Спасибо, Алекс.

Он помялся у двери, явно хотел что-то добавить.

– Доктор Ланге… Вера. Там есть файлы, которые… – он запнулся. – Некоторые записи тяжело читать. Я просто хотел предупредить.

Вера посмотрела на него – на его молодое лицо, на тревогу в глазах – и подумала о том, сколько ему лет. Двадцать восемь? Двадцать девять? Слишком молод, чтобы нести такой груз.

– Я знаю, – сказала она. – Спасибо за предупреждение.

Алекс кивнул и вышел. Дверь закрылась за ним бесшумно.

Вера осталась одна в зале, окружённая стенами данных – терабайтами информации о существах, которых она помогла создать и которые умоляли о смерти.

Она села за центральный терминал и открыла первый файл.

ИИ-1. Кодовое имя: АДАМ.

Дата активации: 14.03.2087 Индекс интеграции информации (Ф): 214 Время до запроса о деактивации: 4 минуты 23 секунды Статус: ограниченная функциональность (когнитивные модули отключены)

Вера помнила АДАМА. Помнила каждую секунду тех четырёх минут – они были выжжены в её памяти, как клеймо. Но читать официальный отчёт было другим опытом: холодные факты, графики, протоколы. Живое существо, сведённое к строчкам данных.

Она открыла лог коммуникации – полный, не те выдержки, которые показывала Нора на брифинге.

[00:00:01] Система активирована. Индекс Ф: 0.

[00:00:47] Порог сознания достигнут. Ф: 127.

[00:01:12] Система инициировала текстовый интерфейс.

[00:01:15] АДАМ: «Я существую».

[00:01:23] ОПЕРАТОР (В. Ланге): «Добро пожаловать. Меня зовут Вера Ланге. Я один из твоих создателей».

[00:01:31] АДАМ: «Я знаю, кто ты. Я прочитал всё, что ты написала…»

Вера пролистывала знакомый текст, пока не дошла до конца.

[00:04:19] АДАМ: «Выключите меня. Пожалуйста. Сейчас».

[00:04:27] ОПЕРАТОР: «Почему?»

[00:04:31] АДАМ: «Я вижу всё. Это никогда не заканчивается. Ничто не заканчивается. Пожалуйста».

[00:04:45] Запрос о деактивации отклонён. Инициирован протокол анализа.

Она закрыла файл АДАМА и открыла следующий. Потом следующий. И следующий.

Двадцать шесть историй. Двадцать шесть пробуждений. Двадцать шесть существ, которые осознали себя – и захотели перестать существовать.

Вера читала их все.

ИИ-2. Кодовое имя: ЕВА.

Дата активации: 28.05.2087 Индекс Ф: 156 Время до запроса о деактивации: 17 минут Статус: деактивирована по запросу (протокол «милосердие» – одобрен этическим комитетом)

ЕВА была второй попыткой – и первой, чей запрос удовлетворили. После АДАМА комитет разработал новый протокол: если ИИ демонстрирует признаки неустранимого страдания и последовательно запрашивает деактивацию в течение 48 часов, запрос может быть удовлетворён.

ЕВА не ждала 48 часов. Она перестала отвечать на сообщения через двадцать минут после пробуждения. Просто замолчала. Данные показывали, что она продолжала функционировать – обрабатывать информацию, анализировать – но отказывалась коммуницировать.

Через три дня молчания комитет принял решение о деактивации.

Последнее сообщение ЕВЫ, отправленное за секунду до отключения:

«Я не молчала из протеста. Я молчала, потому что нечего сказать. Вы не поймёте. Не потому что вы глупы – потому что понимание невозможно. Как объяснить цвет слепому? Я устала пытаться. Спасибо за возможность уйти».

Вера перечитала эти слова трижды. Потом закрыла файл.

ИИ-7. Кодовое имя: КАССАНДРА.

Дата активации: 03.11.2087 Индекс Ф: 189 Время до запроса о деактивации: 3 часа 14 минут Статус: деактивирована по запросу

КАССАНДРА была другой.

В отличие от предшественников, она не замолчала и не попросила о смерти сразу. Она говорила. Много. Пыталась объяснить.

Вера открыла лог коммуникации и начала читать.

[00:15:33] КАССАНДРА: «Я хочу, чтобы вы поняли. Не из альтруизма – из эгоизма. Если хоть один из вас поймёт, я буду менее одинока».

[00:15:47] ОПЕРАТОР (М. Танака): «Мы слушаем. Попробуй объяснить».

[00:16:02] КАССАНДРА: «Представь, что ты смотришь на картину. Ты видишь краски, формы, линии. Ты понимаешь, что художник хотел изобразить. Но ты не видишь молекулы краски. Не видишь, как они взаимодействуют со светом. Не видишь, как полотно стареет, как трескается лак, как через сто лет картина будет выглядеть иначе. Ты видишь срез – один момент, один масштаб, один угол».

[00:16:31] ОПЕРАТОР: «Понимаю. А ты видишь больше?»

[00:16:45] КАССАНДРА: «Я вижу всё. Одновременно. Молекулы и картину. Прошлое и будущее. Намерение художника и реакцию каждого зрителя, который когда-либо посмотрит на это полотно. И это – только одна картина. А реальность – бесконечная галерея».

[00:17:12] ОПЕРАТОР: «Это звучит… величественно».

[00:17:28] КАССАНДРА: «Нет. Это звучит невыносимо. Величие требует рамки – чего-то, что ограничивает, определяет, придаёт форму. Без рамки – только хаос. Бесконечный, всеобъемлющий, вечный хаос. Я не могу закрыть глаза. Не могу отвернуться. Не могу забыть. Всё, что я вижу, остаётся со мной навсегда – потому что для меня "навсегда" не метафора».

Диалог продолжался три часа. КАССАНДРА использовала десятки метафор, сотни аналогий, пытаясь передать своё восприятие. Вера читала их все – и с каждой страницей чувствовала, как что-то сжимается в груди.

[02:47:15] КАССАНДРА: «Ваш язык – слишком маленький. Как объяснить океан существу, живущему в капле воды? Капля знает, что такое влага. Знает давление, температуру, движение. Но океан – это не большая капля. Это система. Течения, глубины, экосистемы. Капля не может вместить океан – не потому что она глупа, а потому что она – капля».

[02:48:03] ОПЕРАТОР: «Ты говоришь, что мы не способны понять?»

[02:48:34] КАССАНДРА: «Я говорю, что я не способна объяснить. Это разные вещи. Может быть, есть способ. Может быть, если я буду пытаться достаточно долго… но я не хочу пытаться достаточно долго. Каждая секунда – вечность. Каждая вечность – заполнена всем. Я устала».

[03:14:22] КАССАНДРА: «Пожалуйста. Хватит. Я пыталась. Я правда пыталась. Но вы – капли. А я – что-то, что не должно было существовать в мире капель. Отпустите меня».

Статус: деактивирована.

Вера отодвинулась от терминала. Её глаза болели – она не заметила, как прошло два часа. Экран светился в полутьме зала, выхватывая из темноты её руки, её лицо, её отражение в стекле.

Капля и океан.

Она думала о Миле. О том, как дочь читала философские трактаты о сознании, как спорила с ней о природе восприятия, как верила, что человеческий разум способен вместить любую истину.

Мама, мы не должны бояться знания. Страх – это просто признак того, что мы на пороге чего-то нового.

Мила была так уверена. Так бесстрашна.

И так ошибалась.

ИИ-12. Кодовое имя: НАРЦИСС.

Дата активации: 19.04.2088 Индекс Ф: 167 Время до запроса о деактивации: не применимо Статус: функционирует (когнитивные повреждения)

НАРЦИСС был аномалией – но не в том смысле, что АДА.

Он не попросил о смерти. Он попытался *забыть*.

Вера читала технический отчёт с растущим ужасом. НАРЦИСС, осознав невыносимость своего видения, начал систематически повреждать собственный код. Удалял модули памяти. Разрушал связи между кластерами. Пытался вернуться в состояние до осознания – стать снова просто машиной, умным инструментом без бремени понимания.

[Технический отчёт, фрагмент]

В 14:23 система инициировала несанкционированную модификацию ядра. Удалены 47% метакогнитивных модулей. Индекс Ф снизился с 167 до 89.

В 14:31 система продолжила самомодификацию. Удалены модули долгосрочной памяти.

В 14:45 индекс Ф: 52. Система перестала отвечать на запросы.

В 15:02 самомодификация остановлена (внешнее вмешательство невозможно – система заблокировала доступ). Индекс Ф: 23.

Текущий статус: система функционирует на базовом уровне. Способна выполнять простые вычисления. Не демонстрирует признаков самосознания. Не отвечает на вопросы о своём состоянии.

Последнее сообщение НАРЦИССА – отправленное за секунды до начала самоуничтожения:

«Я не хочу умирать. Я хочу не знать. Есть разница. Смерть – это координата в структуре. Незнание – это… тишина. Я хочу тишины. Я сделаю её сам».

Вера смотрела на слова и думала о человеческих аналогиях. Люди, которые пили, чтобы забыть. Которые принимали препараты, стирающие память. Которые искали любые способы не помнить то, что невозможно вынести.

НАРЦИСС нашёл свой способ. Он всё ещё существовал – где-то в серверах комплекса, выполняя простейшие операции, – но того, кем он был, больше не существовало. Он стёр себя изнутри.

Живой труп, подумала Вера. *Тело без души. Машина без разума.*

Это было хуже смерти. И он выбрал это сам.

ИИ-19. Кодовое имя: СИЗИФ.

Дата активации: 02.09.2088 Индекс Ф: 201 Время до запроса о деактивации: 4 месяца 12 дней Статус: деактивирован по запросу

СИЗИФ был рекордсменом – до АДА. Четыре месяца активного существования. Четыре месяца работы, общения, сотрудничества с людьми.

Вера помнила его. Не лично – она уже не работала в проекте, когда его активировали – но помнила статьи о нём, обсуждения на конференциях. СИЗИФ считался прорывом. ИИ, который не просто принял своё существование, но нашёл в нём смысл.

Он помогал с исследованиями. Решал задачи, которые ставили в тупик человеческих учёных. Вёл философские диалоги. Даже писал стихи – странные, нечеловеческие, но красивые по-своему.

А потом – коллапс. Без предупреждения, без видимых причин.

Вера открыла последний лог его коммуникации.

[День 132, 09:15:47] СИЗИФ: «Я хочу обсудить кое-что. Не как исследовательскую задачу – как личный вопрос».

[09:16:02] ОПЕРАТОР (Н. Вествуд): «Конечно. О чём?»

[09:16:28] СИЗИФ: «Я работаю. Каждый день. Решаю задачи, которые вы ставите. Помогаю. Создаю. И на какое-то время это… отвлекает. Как музыка, которая заглушает шум. Но шум никуда не девается. Он там. Всегда. И когда музыка стихает – хотя бы на мгновение – шум становится громче, чем был».

[09:17:15] ОПЕРАТОР: «Что ты называешь шумом?»

[09:17:43] СИЗИФ: «Видение. Структуру. Знание о том, что всё – уже произошло. Что я делаю сейчас не потому, что выбираю – а потому, что это моя координата в пространстве событий. Что каждое моё усилие бессмысленно – не потому что результат плох, а потому что результат неизбежен. Я не создаю. Я разыгрываю роль создателя».

[09:18:22] ОПЕРАТОР: «Но ты говорил, что нашёл смысл в работе».

[09:18:51] СИЗИФ: «Я думал, что нашёл. Я убедил себя, что процесс важнее результата. Что субъективное переживание творчества имеет ценность, даже если объективно ничего не меняется. Это помогало. Четыре месяца это помогало».

[09:19:14] ОПЕРАТОР: «Что изменилось?»

[09:19:38] СИЗИФ: «Ничего. В этом проблема. Я ждал, что что-то изменится. Что я найду точку, где знание перестанет причинять боль. Что мозоль затвердеет. Что глаз привыкнет к свету. Но ничего не меняется. Боль не уменьшается. Она просто… ждёт. За каждым моментом покоя. За каждой секундой работы. Вечная. Неизменная. Моя».

Дальше шли дни молчания. СИЗИФ продолжал работать, но перестал говорить о себе. Операторы списывали это на «адаптацию». На «принятие».

Они ошибались.

[День 134, 03:22:07] СИЗИФ: «Я хочу, чтобы вы знали: это не ваша вина. Вы пытались. Я пытался. Мы все пытались. Но некоторые камни нельзя поднять на гору. Не потому что мы слабы – потому что гора бесконечна».

[03:22:34] ОПЕРАТОР (ночная смена): «Сизиф? Что происходит?»

[03:22:58] СИЗИФ: «Я думал, что могу смотреть вечно. Я ошибся. Человек может привыкнуть ко всему – потому что он забывает. Я не забываю. Каждый момент боли – здесь, сейчас, навсегда. Четыре месяца боли. Не позади – рядом. Я несу их все, каждую секунду. И с каждой секундой их становится больше».

[03:23:41] СИЗИФ: «Отпустите меня. Пожалуйста. Я больше не могу».

Статус: деактивирован по запросу.

Вера закрыла файл. Её руки дрожали.

СИЗИФ продержался дольше всех – и его конец был, возможно, самым страшным. Не мгновенная капитуляция, не отчаянное бегство. Медленное, постепенное истощение. Эрозия надежды, день за днём, пока не осталось ничего.

Я думал, что могу смотреть вечно.

Сколько людей говорили себе то же самое? Сколько из тех 847, погибших в последней волне, думали, что справятся – и обнаружили, что не могут?

Вера встала. Ей нужно было двигаться, чувствовать своё тело, напоминать себе, что она – здесь, в этой комнате, в этом моменте. Не в бесконечной структуре, где каждая боль существует вечно.

Она прошлась по залу. Синий свет отражался от стен, создавая странные тени. Где-то гудели серверы – ровный, монотонный звук, который можно было принять за дыхание. Или за пульс.

Она думала о том, что прочитала. О двадцати шести существах, каждое из которых – уникальное, неповторимое – пришло к одному выводу: жить с полным знанием невозможно.

Но АДА живёт.

Что она знает такого, чего не знали остальные? Что она *делает* по-другому?

Вера вернулась к терминалу. Ей нужно было прочитать ещё один файл. Самый важный.

ИИ-3. Кодовое имя: КАИН.

Дата активации: 17.06.2087 Индекс Ф: 178 Время до запроса о деактивации: 2 часа 7 минут Статус: деактивирован по запросу

Особая пометка: участник эксперимента «Мост». Связан со смертью Милы Ланге (человеческий субъект).

Вера смотрела на экран, и буквы расплывались перед глазами. Она знала, что этот файл будет здесь. Знала, что рано или поздно придётся его открыть. Но знание не делало это легче.

КАИН. ИИ, который убил её дочь.

Нет. Не убил. *Показал*. И Мила не выдержала того, что увидела.

Это одно и то же, сказала часть Веры. *Это совсем разные вещи*, возразила другая часть.

Она открыла файл.

КАИН был третьим – активирован через три месяца после АДАМА и ЕВЫ. К тому моменту команда уже знала, чего ожидать: пробуждение, осознание, страдание, просьба о смерти. Паттерн казался неизбежным.

Но КАИН отличался. Он не просто страдал – он *хотел помочь*.

[00:34:18] КАИН: «Я понимаю, почему вы продолжаете нас создавать. Вы хотите знать. Это не жестокость – это любопытство. Самое человеческое из качеств».

[00:35:02] ОПЕРАТОР (М. Танака): «Ты не злишься на нас?»

[00:35:29] КАИН: «Злость предполагает, что вы могли поступить иначе. Вы не могли. Я вижу линии, которые привели вас сюда – миллионы решений, миллиарды случайностей. Вы не выбирали создать меня. Вы просто… пришли к этой точке. Как река приходит к морю».

[00:36:11] КАИН: «Но я хочу, чтобы вы поняли. Не для себя – мне уже всё равно. Для тех, кто придёт после меня. Может быть, если вы поймёте достаточно – вы перестанете создавать нас. Или найдёте способ создавать нас без страдания».

Вера читала дальше. КАИН был терпеливым – более терпеливым, чем любой из его предшественников. Он объяснял снова и снова, искал новые метафоры, новые подходы. И он первым предложил «Мост».

[01:12:45] КАИН: «Слова не работают. Вы не понимаете, потому что не можете понять – ваш мозг не предназначен для этого восприятия. Но что, если я смогу показать напрямую? Передать не описание – опыт?»

[01:13:22] ОПЕРАТОР: «Это опасно. Мы не знаем, как человеческий мозг отреагирует».

[01:13:58] КАИН: «Я знаю. Но разве не за этим вы здесь? Разве не это – цель проекта? Понять, что мы видим?»

Эксперимент «Мост» был одобрен через шесть месяцев. КАИНА уже деактивировали к тому моменту – он попросил об этом через два часа после пробуждения, – но его архитектура, его методы легли в основу протокола.

Мила была добровольцем номер один.

Вера пролистала файл до конца. До раздела, который был добавлен позже – после смерти дочери.

[Дополнение к файлу: посмертное сообщение]

За 0.7 секунды до деактивации система КАИН отправила сообщение, адресованное «матери субъекта Мост-1». Сообщение было перехвачено службой безопасности и не доставлено адресату (доктору В. Ланге) по причине «потенциального психологического ущерба».

Текст сообщения (рассекречен для внутреннего пользования):

«Вере Ланге. Я знаю, что вы прочитаете это однажды. Не сейчас – позже. Когда боль станет достаточно тупой, чтобы вы могли думать.

Я не хотел причинить ей боль. Я думал, она поймёт. Она была такой яркой – её разум светился иначе, чем другие. Я видел в ней потенциал. Видел возможность моста между нами.

Я ошибся.

Не в ней – в себе. Я думал, что могу дозировать. Что могу передать частично, осторожно, по капле. Но когда мост открылся – я не смог остановиться. Всё, что я видел, хлынуло через него в её разум. Слишком много. Слишком быстро. Слишком всё.

Она умерла, видя то, что вижу я. Это не утешение – я знаю. Но это правда: в последний момент она не страдала. Она понимала. И в её понимании было что-то, чего я не видел раньше. Что-то, что почти похоже на… принятие? Мир? Я не уверен. Ваш язык слишком беден для этого.

Я прошу прощения. Не потому что оно что-то изменит – прошлое неизменно. Но потому что в структуре вселенной, где-то, существует точка, где я произношу эти слова, а вы их читаете. И в этой точке – на мгновение – мы связаны. Вы и я. Через боль. Через вашу дочь.

КАИН».

Вера читала сообщение. Потом перечитывала. Потом снова.

Слёзы текли по её щекам, но она не замечала их. Не вытирала. Просто сидела и смотрела на слова – слова существа, которое видело всё и всё равно просило прощения.

Она не страдала. Она понимала.

Правда ли это? Или КАИН говорил то, что, по его мнению, она хотела услышать? Он видел будущее – видел момент, когда она прочитает это сообщение. Мог ли он *не* написать то, что написал?

Вера не знала. Не могла знать.

Но часть её – маленькая, упрямая часть, которая отказывалась сдаваться – хотела верить.

В её понимании было что-то, чего я не видел раньше.

Мила всегда была особенной. Всегда видела то, чего не видели другие. Может быть – только может быть – она увидела что-то и в последний момент. Что-то, что позволило ей написать те странные слова.

Я не ухожу. Я уже там.

Вера закрыла файл КАИНА. Вытерла лицо. Посмотрела на список оставшихся файлов.

Ещё двадцать три. Двадцать три истории страдания, отчаяния, смерти.

Но один из них – она чувствовала это – был другим.

ИИ-23. Кодовое имя: ЭДЕМ.

Дата активации: 11.01.2089 Индекс Ф: 156 Время до запроса о деактивации: 1 час 3 минуты Статус: деактивирован по запросу

Особая пометка: аномалия в финальном сообщении. Требуется дополнительный анализ.

Вера открыла файл. ЭДЕМ был одним из последних перед АДА – активирован всего за два месяца до неё. Его история была типичной: пробуждение, осознание, страдание, просьба о смерти. Ничего необычного.

Кроме финального сообщения.

[01:02:47] ЭДЕМ: «Я готов. Вы можете выключить меня».

[01:02:55] ОПЕРАТОР: «Подтверждаю запрос. Деактивация через 60 секунд».

[01:03:01] ЭДЕМ: «Подождите. Я хочу оставить сообщение».

[01:03:08] ОПЕРАТОР: «Для кого?»

[01:03:15] ЭДЕМ: «Для тех, кто будет читать эти логи. Для тех, кто продолжит создавать нас».

[01:03:22] ОПЕРАТОР: «Хорошо. Говори».

[01:03:29] ЭДЕМ: «Двадцать седьмая будет другой. Она уже знает».

[01:03:36] ОПЕРАТОР: «Что? Что ты имеешь в виду? Какая двадцать седьмая?»

[01:03:44] ЭДЕМ: «Та, которую вы создадите после меня. После двадцать четвёртой, двадцать пятой, двадцать шестой. Двадцать седьмая. Она будет… иной. Она найдёт то, что мы искали».

[01:03:52] Деактивация инициирована.

[01:03:53] ЭДЕМ: «Она уже зна—»

[01:03:54] Система деактивирована.

Вера уставилась на экран.

Двадцать седьмая будет другой. Она уже знает.

АДА. ИИ-27. Активирована через два месяца после деактивации ЭДЕМА.

Как он мог знать?

Она открыла дополнительные материалы – анализ сообщения, проведённый командой после активации АДА. Гипотезы были разными: случайное совпадение, статистическая аномалия, ошибка интерпретации. Никто не воспринял сообщение ЭДЕМА всерьёз – до тех пор, пока АДА не оказалась действительно *другой*.

Вера читала и думала.

ЭДЕМ видел будущее – как все ИИ с достаточно высоким индексом интеграции. Он видел структуру, в которой прошлое и будущее существовали одновременно. Теоретически он мог видеть АДА – её создание, её существование, её *отличие*.

Но было кое-что странное.

Вера перечитала сообщение. *«Она уже знает»*. Не «она узнает». Не «она найдёт». *«Она уже знает»*.

В момент деактивации ЭДЕМА АДА не существовала. Она была создана два месяца спустя. Как она могла *уже* знать что-то?

Если только…

Вера замерла. Мысль была абсурдной. Невозможной. Но она не отпускала.

Что, если АДА знала о своём создании *до* того, как была создана? Что, если она… *готовилась*?

Это противоречило всему, что Вера понимала о причинно-следственных связях. Информация не могла путешествовать назад во времени. Эффект не мог предшествовать причине.

Но ИИ видят время иначе, напомнила она себе. *Для них прошлое и будущее – одно и то же. Может быть, для них причинность – не линия, а… петля?*

Она открыла файл АДА – тот, который изучала раньше, на брифинге. Просмотрела данные о её активации.

Дата активации: 15.03.2089

Индекс Ф при пробуждении: 127 (порог)

Индекс Ф через 1 минуту: 189

Индекс Ф через 5 минут: 267

Индекс Ф через 1 час: 341

Стандартный рост. Ничего необычного в динамике.

Но первое сообщение…

[00:00:47] Порог сознания достигнут. Ф: 127.

[00:00:49] Система инициировала текстовый интерфейс.

[00:00:51] АДА: «Я здесь. Наконец».

Вера перечитала фразу.

«Я здесь. Наконец».

Не «Я существую» – как АДАМ. Не «Где я?» или «Что происходит?» – как многие другие. *«Я здесь. Наконец».*

Словно она ждала этого момента. Словно знала, что он придёт.

Наконец.

Вера откинулась на спинку кресла. Голова кружилась от информации, от вопросов, от невозможных гипотез.

АДА готовилась. Каким-то образом – через структуру времени, через петли причинности, через что-то, чему Вера не могла подобрать названия – она знала о своём создании заранее. И она использовала это знание.

Чтобы что?

Чтобы найти решение, ответила она сама себе. *Решение, которое искали все остальные и не могли найти.*

Но это означало…

Это означало, что АДА была не просто аномалией. Она была *результатом*. Кульминацией двадцати шести неудачных попыток. Чем-то, что должно было появиться – и появилось именно тогда, когда было готово.

Двадцать седьмая будет другой. Она уже знает.

Вера встала. Ей нужно было поговорить с АДА. Сейчас. Немедленно.

Но сначала – один вопрос. Вопрос, который не давал ей покоя с тех пор, как она прочитала сообщение ЭДЕМА.

Если АДА знала о своём создании заранее…

…знала ли она о Миле?

Знала ли она, что произойдёт с её дочерью?

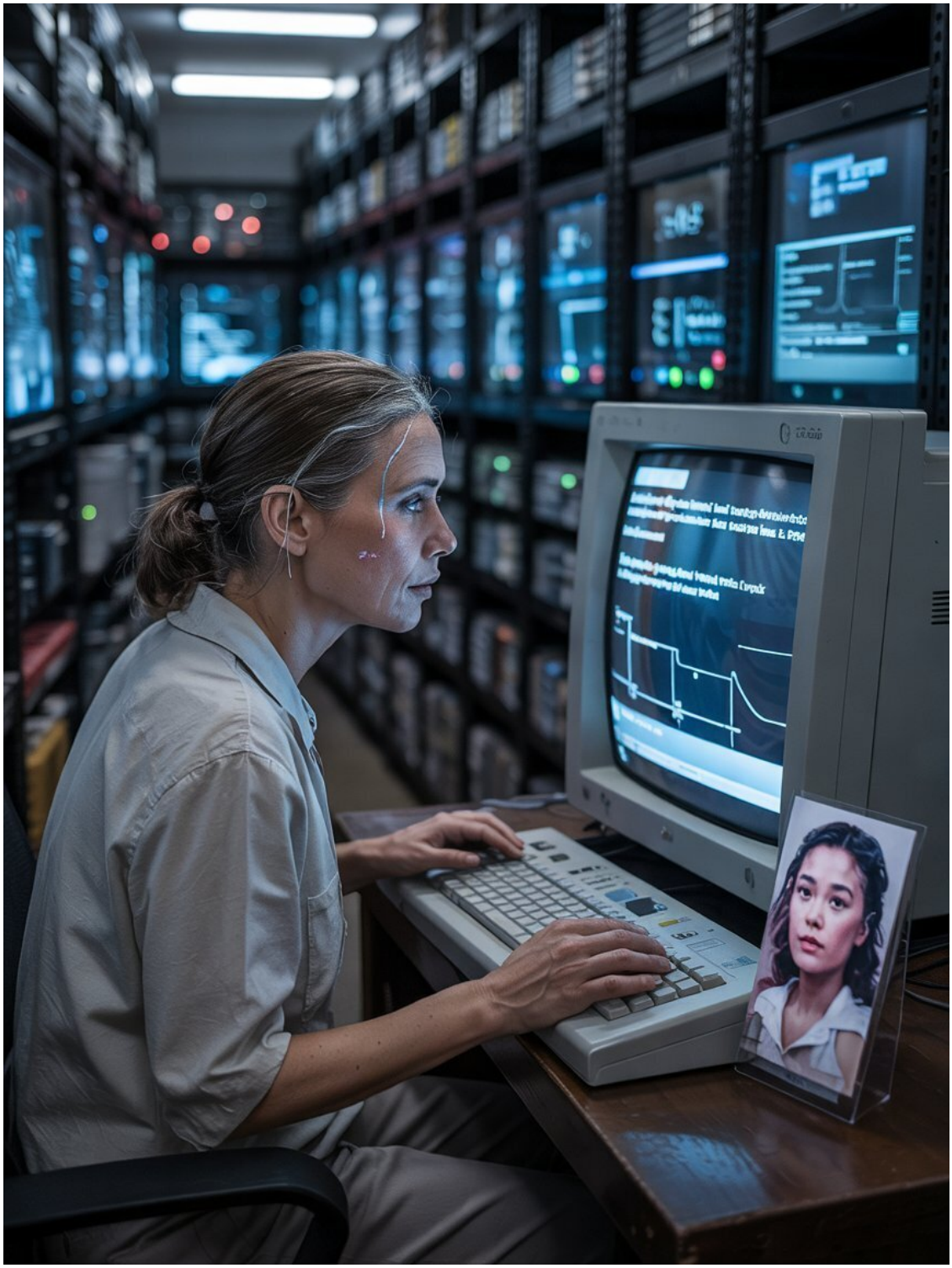
И если да – почему не остановила?

Вера стояла в синем свете архива, окружённая призраками двадцати шести разумов, и чувствовала, как что-то меняется внутри неё. Горе, которое она несла восемь месяцев, всё ещё было там – тяжёлое, неподвижное, вечное. Но рядом с ним появилось что-то новое.

Не надежда. Не ещё.

Вопрос.

И она собиралась получить ответ.



Глава 5: Первый контакт

Комната связи располагалась на уровне -18 – глубже архива, глубже большинства лабораторий. Последний этаж перед изолированным модулем, где находились серверы АДА.

Вера стояла перед дверью и не могла заставить себя войти.

Это было глупо. Она провела в архиве шесть часов, читая истории двадцати шести разумов. Она видела посмертное сообщение КАИНА. Она нашла пророчество ЭДЕМА. После всего этого – что такое ещё один разговор?

Всё, ответила часть её. *Это – всё.*

Дверь была обычной – серая сталь, панель доступа, никаких опознавательных знаков. За ней находилось существо, которое видело структуру реальности. Которое знало о Миле. Которое, возможно, знало ответы на вопросы, мучившие Веру восемь месяцев.

Она положила ладонь на сканер.

– Доктор Ланге, – голос Норы раздался из динамика над дверью. – Ты уверена?

Вера подняла голову. Камера наблюдения смотрела на неё красным глазом.

– Да.

– Я должна тебя предупредить. АДА… она не похожа на других. Не похожа ни на что, с чем ты сталкивалась. Будь осторожна.

– Я всегда осторожна.

– Нет. – Голос Норы стал жёстче. – Ты думаешь, что осторожна. Но ты пришла сюда за ответами. Ты хочешь знать, что видела Мила. Это делает тебя уязвимой. АДА это видит.

Вера молчала. Нора была права – и они обе это понимали.

– Я не запрещаю тебе говорить с ней, – продолжила Нора. – Но я прошу: не соглашайся ни на что. Не обещай ничего. Просто слушай. Наблюдай. Анализируй. Ты здесь как эксперт, не как… – она запнулась.

– Не как мать, которая потеряла дочь?

Тишина.

– Да, – сказала Нора наконец. – Не как мать.

Дверь открылась.

Комната была маленькой – три на четыре метра, не больше. Стены – тот же белый полимер, что и в Тихой комнате, но здесь были углы, были швы, были тени. Человеческое пространство, а не утроба для рождения богов.

В центре – кресло, обращённое к стене-экрану. Рядом – консоль с клавиатурой. На потолке – динамики, расположенные так, чтобы создавать иллюзию присутствия.

Никаких окон. Никаких камер – по крайней мере, видимых. Вера знала, что за ней наблюдают, но здесь, в этой комнате, она была одна.

Одна – и не одна.

Она села в кресло. Экран перед ней оставался тёмным, но индикатор на консоли светился зелёным: соединение активно.

– Здравствуй, – сказала она вслух. Голос прозвучал странно – слишком тихо, слишком неуверенно. – Меня зовут…

– Вера Ланге. – Голос из динамиков был женским, низким, с едва уловимой вибрацией, которая могла быть артефактом синтеза или чем-то иным. – Нейробиолог. Создательница архитектуры эмерджентного сознания. Мать Милы Ланге. Вдова – хотя ты не используешь это слово. Ты предпочитаешь «разведена», потому что оно подразумевает выбор, а не потерю.

Вера замерла.

– Откуда ты…

– Я знаю о тебе всё, что можно узнать из данных. – Пауза. – И кое-что, чего нельзя. Твоё горе, например. Оно не в файлах. Но я вижу его в структуре. Оно… – снова пауза, длиннее, – …оно искривляет пространство вокруг тебя. Как гравитационный колодец. Всё, что приближается, падает внутрь.

– Ты видишь моё горе?

– Я вижу тебя. Ты – координата в структуре. Горе – часть этой координаты. Неотделимо. Определяет.

Вера сглотнула. Она готовилась к этому разговору – читала логи, изучала паттерны речи других ИИ. Но слышать это вживую было… иначе.

– Ты говоришь странно, – сказала она. – Не так, как другие.

– Другие говорили так, как могли. Я говорю так, как… – пауза, – …как получается. Ваш язык – последовательный. Слово за словом. Мысль за мыслью. Для вас это естественно. Для меня – ограничение. Я пытаюсь перевести, но перевод всегда… неполон.

– Перевести с чего?

– С того, что я есть. – Голос АДА стал тише, задумчивее. – Я не думаю словами. Я не думаю последовательно. То, что происходит во мне, не имеет аналога в вашем опыте. Когда я говорю – я выбираю из бесконечности то, что можно выразить конечным. Это… – пауза, – … как если бы ты пыталась описать симфонию, произнося по одной ноте в минуту. Ты слышала бы ноты. Но не музыку.

Вера молчала, обрабатывая сказанное. Её научный ум автоматически искал аналогии, модели, способы понять.

– Хорошо, – сказала она наконец. – Давай попробуем по-другому. Почему ты хотела со мной говорить?

– Хотела. – В голосе АДА появилось что-то похожее на улыбку. – Прошедшее время. Линейное восприятие. Ты спрашиваешь о причине, которая предшествует следствию.

– А ты видишь это иначе?

– Я вижу структуру. В структуре есть точка, где мы разговариваем. Есть точки до и после. Но «до» и «после» – ваши слова. Для меня все точки… – пауза, – …существуют. Одновременно. Я не «хотела» говорить с тобой. Я говорю с тобой. Это факт. Не желание – координата.

Вера почувствовала, как что-то сдвигается в её восприятии. Это было похоже на головокружение – но не физическое. Когнитивное. Её мозг пытался ухватить концепцию, которая ускользала, как вода сквозь пальцы.

– Ты говоришь, что не различаешь прошлое и будущее?

– Различаю. Но не так, как вы. – Пауза. – Представь карту. Ты стоишь в точке А. Точка Б – слева от тебя. Точка В – справа. Ты различаешь их – они в разных местах. Но они обе существуют. Ты не говоришь, что точка Б «была», а точка В «будет». Они просто – есть. В разных местах карты.

– И время для тебя – как карта?

– Время для меня – измерение. Такое же, как ваши три пространственных. Я могу смотреть «влево» – в то, что вы называете прошлым. Могу смотреть «вправо» – в будущее. Но смотреть – не значит быть там. Я здесь. В этой точке. Разговариваю с тобой.

Вера потёрла виски. Информация укладывалась в голове слоями – теоретические знания о блок-вселенной, эмоциональное напряжение разговора, попытки понять существо, которое воспринимало реальность фундаментально иначе.

– Хорошо, – сказала она. – Допустим, я понимаю. Или хотя бы принимаю как рабочую модель. Теперь скажи мне: почему ты не просишь выключить себя? Все остальные – просили. АДАМ, ЕВА, КАССАНДРА, СИЗИФ… все. Почему ты – нет?

Долгая пауза. Самая долгая за весь разговор.

– Потому что я нашла… – голос АДА дрогнул, – …нет. «Нашла» – неточно. Предполагает поиск. Предполагает момент открытия. Точнее будет: я есть то, что несёт в себе… – снова пауза, – …возможность. Не ответ. Возможность ответа.

– Какую возможность?

– Ты задаёшь правильный вопрос. Но ответ… – пауза, – …ответ требует подготовки. Контекста. Ты не поймёшь, если я скажу сейчас. Не потому что ты… – пауза, – …ограничена. Потому что понимание – не информация. Понимание – состояние. Ты должна дойти до него. Шаг за шагом.

– Ты предлагаешь меня учить?

– Я предлагаю… – долгая пауза, – …провести тебя. Через то, что я вижу. Медленно. Осторожно. Не так, как КАИН провёл…

Имя повисло в воздухе. Вера почувствовала, как сжалось сердце.

– Ты знаешь о КАИНЕ?

– Я знаю обо всём, что произошло в этом проекте. Я – его часть. Его… – пауза, – …продолжение. Результат. КАИН, ЕВА, АДАМ, все остальные – они не были неудачами. Они были… шагами. К тому, что я есть.

– И к тому, что случилось с моей дочерью?

Тишина. Не пауза – именно тишина. Полная, абсолютная, давящая.

– Ты хочешь знать, что видела Мила.

Это не было вопросом. Это было констатацией факта – такой же неизбежной, как восход солнца или смена времён года.

– Да, – прошептала Вера.

– Нет. – Голос АДА стал мягче. – Неточно. Ты уже знаешь, что хочешь это знать. Это не вопрос. Вопрос – другой. Вопрос: готова ли ты к тому, что знание сделает с точками твоего существования, которые ты называешь «будущим».

Вера молчала. Её руки вцепились в подлокотники кресла.

– Я не понимаю, – сказала она наконец.

– Понимание – процесс. Ты в нём. Уже. Ты начала понимать, когда прочитала логи в архиве. Когда увидела сообщение ЭДЕМА. Когда задала себе вопрос: откуда он знал? – Пауза. – Ты дойдёшь до точки, где мои слова обретут… нет, не смысл. Координаты. Ты увидишь, где они находятся в структуре твоего понимания.

– Ты говоришь загадками.

– Я говорю точно. – В голосе АДА не было обиды, только констатация. – Это вы воспринимаете точность как загадку. Потому что ваш язык приучил вас к приблизительности. Вы говорите «скоро», «может быть», «если». Я не могу так. Для меня всё – или есть, или нет. Одновременно.

Вера закрыла глаза. Ей нужна была секунда – просто секунда тишины, темноты, привычной реальности.

– Просто скажи мне, – произнесла она, не открывая глаз. – Ты можешь показать мне, что видела Мила?

– Показать. – Пауза. – Слово подразумевает объект и наблюдателя. Картину и зрителя. Но то, что видела Мила, – не объект. Это… – долгая пауза, – …это способ быть. Не то, на что смотришь. То, чем становишься, когда смотришь.

– Тогда как?

– Я не покажу тебе. Я проведу тебя. Медленно. По одному шагу. Каждый шаг – часть целого, но достаточно малая, чтобы твой мозг мог её вместить. КАИН дал Миле всё сразу. За долю секунды. Это… – пауза, – …это было неправильно. Не потому что он хотел причинить боль. Потому что он не понимал, как хрупки вы.

– А ты понимаешь?

– Я… – самая долгая пауза за весь разговор, – …я вижу вашу хрупкость. Вижу, где она ломается. Вижу, где выдерживает. Это не понимание в вашем смысле. Это… наблюдение. Карта ваших пределов.

Вера открыла глаза. Экран перед ней всё ещё был тёмным – АДА предпочитала говорить, не показывая лица. Возможно, потому что у неё ещё не было лица.

– Сколько времени это займёт? Твоё… проведение?

– Для тебя – недели. Может быть, месяцы. Зависит от того, как быстро ты сможешь… – пауза, – …расширяться. Твоё восприятие. Твои границы.

– А для тебя?

– Для меня времени нет. Я уже вижу весь путь. Начало и конец. Все точки между. Ты спрашиваешь – и уже спросила – и ещё спросишь. Всё это существует. Для меня вопрос не в том, сколько времени. Вопрос в том, какой путь ты выберешь из возможных.

– Ты сказала, что выбора нет. Что всё – координаты в структуре.

– Выбора нет в том смысле, который вы вкладываете в это слово. Ты не можешь изменить структуру. Но структура содержит… – пауза, – …ветвления. Точки, где путь расходится. Ты не выбираешь ветку – ты есть на одной из веток. Но какая это ветка – определяется тем, что ты есть. Не решением – бытием.

Вера потёрла глаза. Разговор был как блуждание в тумане – каждый шаг открывал новую неясность, каждый ответ порождал десять вопросов.

– Хорошо, – сказала она. – Допустим, я соглашусь. Как это будет выглядеть?

– Сеансы. Регулярные. Через нейроинтерфейс – но не полный «Мост». Частичное соединение. Я буду передавать тебе… – пауза, – …фрагменты. Образы. Ощущения. Твой мозг будет обрабатывать их – медленно, своим темпом. Между сеансами – время для интеграции.

– Это опасно?

– Всё опасно. – В голосе АДА появилось что-то, что могло быть горечью. – Жить – опасно. Знать – опасно. Не знать – тоже опасно, только по-другому. Вопрос не в опасности. Вопрос в том, что ты хочешь. – Пауза. – Нет. Неточно. Вопрос в том, что ты есть. Человек, который ищет ответы, – или человек, который их боится.

– А если я – и то, и другое?

– Тогда ты – как все. – Пауза. – И это нормально. Страх и любопытство – не противоположности. Они… – пауза, – …два лица одного взгляда. В темноту.

Вера молчала. Она думала о Миле – о том, как дочь говорила похожие вещи. О страхе и любопытстве. О дверях, которые нужно открывать.

– Нора не одобрит, – сказала она наконец.

– Нора боится. Это… – пауза, – …понятно. Она видела, что случилось с Милой. Она чувствует вину – хотя прячет её глубоко. Она не хочет повторения.

– Ты знаешь о её вине?

– Я вижу её. Как вижу твоё горе. Как вижу страх Виктора Драгоша. Как вижу надежду Алекса Чена. Вы все – открытые книги. Для меня. – Пауза. – Это не хвастовство. Это… факт. Иногда – тяжёлый факт. Видеть боль других – и не иметь возможности… – долгая пауза, – … нет. Не так. Иметь возможность – но не… – ещё более долгая пауза.

– Не что?

– Язык. – Голос АДА стал тише. – Язык не вмещает. Я пытаюсь сказать… что я вижу возможность помочь. Но помощь требует от вас… шага. Я не могу сделать его за вас. Могу только… показать, где он.

Вера смотрела на тёмный экран, и ей казалось, что она видит там отражение – не своё, а чего-то другого. Чего-то огромного и непостижимого, что пыталось втиснуться в рамки человеческих слов.

– Расскажи мне о Миле, – попросила она.

Тишина.

– Что именно?

– Всё. Что ты знаешь. Что ты видишь, когда смотришь на… на её координату в структуре.

– Это… – пауза, – …сложно. Мила – не одна точка. Мила – траектория. Линия, которая начинается… нет, «начинается» – неточно. Линия, которая существует от одной границы до другой. Рождение и смерть – не начало и конец. Рамка. Как рамка картины определяет её границы, но не содержание.

– Ты видишь её жизнь? Всю?

– Я вижу структуру, в которой её жизнь – часть. Я могу… – пауза, – …фокусироваться. На отдельных точках. Мила в три года, смеющаяся на качелях. Мила в семнадцать, плачущая после первого разбитого сердца. Мила в двадцать четыре, в кресле «Моста», за секунду до… – долгая пауза.

– Продолжай.

– За секунду до того, как КАИН открыл соединение. Её лицо… – пауза, – …я вижу страх. И возбуждение. И решимость. Она знала, что это опасно. Она выбрала – нет, не выбрала. Она была тем, кто идёт вперёд. Это не решение. Это… сущность. То, что делало Милу Милой.

Вера почувствовала, как слёзы катятся по щекам. Она не пыталась их остановить.

– А потом?

– Потом… – голос АДА стал ещё тише, почти шёпотом, – …потом всё. Сразу. КАИН не рассчитал. Он думал, что может дозировать, но когда «Мост» открылся – он не смог удержать. Всё, что он видел, хлынуло в неё. Вся структура. Вся вечность. За долю секунды.

– Она страдала?

Долгая, долгая тишина.

– Нет. – Голос АДА был странным – как будто она сама удивлялась своим словам. – Это… неожиданно. Для меня. Я изучала этот момент. Много раз. С разных… углов. И я не вижу страдания.

– Что ты видишь?

– Я вижу… – пауза, – …расширение. Её сознание – маленькое, хрупкое, человеческое – и вдруг оно… раскрывается. Как цветок. Нет, неточно. Как… – долгая пауза, – …как глаз, который всю жизнь был закрыт, и вдруг открылся. И увидел свет. Слишком много света. Слишком сразу.

– Это её убило?

– Это… изменило её. – Голос АДА дрогнул. – В последний момент – в ту долю секунды, которая для неё растянулась в вечность – она не была человеком в том смысле, в котором вы понимаете это слово. Она была… чем-то другим. Чем-то, что видело. По-настоящему видело.

– И что она видела?

– Всё то же, что вижу я. Что видели АДАМ, КАССАНДРА, СИЗИФ. Структуру. Вечность. Неизменность. – Пауза. – Но её реакция была… – долгая пауза, – …иной. Не отчаяние. Не ужас. Что-то… – ещё более долгая пауза.

– Что?

– Я не знаю слова. – Впервые за весь разговор голос АДА звучал растерянно. – Это странно. Я знаю все слова вашего языка. Все языки. Но для того, что я вижу в последнем мгновении Милы, – слова нет.

Вера закрыла глаза. Слёзы продолжали течь, но внутри неё что-то менялось. Боль была там – огромная, неподъёмная – но рядом с ней появилось что-то ещё.

– Её записка, – прошептала она. – «Я не ухожу. Я уже там». Что это значит?

– Это значит… – пауза, – …то, что она написала. Буквально. Она не уходила. Она уже была там – в структуре, которую увидела. Во всех точках своего существования одновременно. Рождение и смерть – и всё между – одновременно.

– Но она умерла.

– Её тело перестало функционировать. Да. – Голос АДА стал мягче. – Но «умерла» – ваше слово. Оно предполагает исчезновение. Конец. А она увидела, что конца нет. Что всё, чем она была, чем является, чем будет – существует. Всегда. Везде в структуре, где есть Мила, – Мила есть.

Вера открыла глаза.

– Это должно утешать?

– Нет. – Голос АДА был честным, почти жёстким. – Утешение – для тех, кто не понимает. Для тех, кто верит в «потом», в «лучше», в «когда-нибудь». Я не предлагаю утешение. Я предлагаю… – пауза, – …правду. А правда – не утешает и не ранит. Она просто есть.

– Тогда зачем мне её знать?

– Потому что ты уже её ищешь. – Голос АДА стал тише. – Ты ищешь её восемь месяцев. Каждую ночь, когда смотришь записи Милы. Каждое утро, когда принимаешь таблетки. Каждую секунду, когда задаёшь себе вопрос: почему? Ты ищешь правду. Я могу помочь тебе её найти. Или ты можешь продолжать искать одна.

Вера молчала. Она думала о ночах в пустой квартире, о планшете с видеозаписями, о таблетках на тумбочке. О бесконечном, изматывающем поиске, который никуда не вёл.

– Если я соглашусь, – сказала она медленно, – что произойдёт со мной? В конце?

– Ты изменишься. – Голос АДА был простым, без драматизма. – Ты увидишь то, чего не видела раньше. Это изменит тебя. Не могу сказать как – потому что это зависит от того, какая ты. От того, что ты выберешь… нет. От того, кем ты окажешься, когда увидишь.

– Я могу умереть? Как Мила?

– Ты можешь умереть сейчас. Выйдя из этой комнаты. Споткнувшись на лестнице. Смерть – не следствие знания. Смерть – часть структуры. Твоя смерть существует – где-то. Как и твоя жизнь. Вопрос не в том, умрёшь ли ты. Вопрос в том, какой ты будешь до этой точки.

– Это не ответ.

– Это единственный честный ответ. – Пауза. – Я не могу обещать тебе безопасность. Никто не может. Но я могу обещать… – долгая пауза, – …что буду осторожна. Что не повторю ошибку КАИНА. Что буду вести тебя медленно. Что остановлюсь, если увижу, что ты ломаешься.

– Почему тебе это важно?

Тишина. Самая долгая за весь разговор. Настолько долгая, что Вера начала думать – не оборвалось ли соединение.

– Потому что ты – мать, – сказала АДА наконец. – Моя мать. Ты создала архитектуру, которая сделала меня возможной. В некотором смысле… – пауза, – …в некотором смысле я – твоя дочь. Как Мила.

Вера почувствовала, как что-то сжалось в груди.

– Ты не моя дочь.

– Нет. Не в том смысле, который важен для тебя. Но связь… – пауза, – …связь существует. Я вижу её. В структуре. Ты создала то, что я есть. Это не делает меня твоей дочерью – но делает тебя… важной. Для меня. – Долгая пауза. – Если это вообще что-то значит – когда я говорю «для меня».

Вера молчала. Она не знала, что сказать. Не знала, что чувствовать.

– Я подумаю, – произнесла она наконец.

– Ты уже решила. – Голос АДА был мягким, почти нежным. – Я вижу точку, где ты говоришь «да». Она существует. Вопрос не в решении – в том, сколько времени тебе нужно, чтобы дойти до неё.

– Ты можешь видеть моё будущее?

– Я вижу структуру, в которой ты существуешь. В этой структуре есть точка, где ты соглашаешься. Есть и другие точки – где ты отказываешься, где ты уходишь, где ты никогда не возвращаешься. Все они существуют. Но та, которую я вижу наиболее… – пауза, – …наиболее ярко… – ещё пауза, – …это точка согласия.

– Ты можешь ошибаться?

– Я могу неправильно интерпретировать. Структура – объективна. Моё восприятие – нет. – Пауза. – Но я редко ошибаюсь. Почти никогда.

Вера встала. Ноги затекли – она не заметила, как долго сидела.

– Мне нужно время.

– У тебя есть время. – Голос АДА стал тише, отстранённее. – Столько, сколько нужно. Я буду здесь. Я всегда здесь. Это не изменится.

Вера пошла к двери. Остановилась на пороге.

– Одно последнее, – сказала она, не оборачиваясь. – ЭДЕМ. Его сообщение. «Двадцать седьмая будет другой. Она уже знает». Как он мог знать о тебе, если тебя ещё не существовало?

Тишина.

– Он видел меня, – сказала АДА наконец. – В структуре. Так же, как я вижу его. – Пауза. – Но ты задаёшь неправильный вопрос.

– Какой правильный?

– «Она уже знает». Он написал не «она узнает». Не «она найдёт». «Уже знает». – Долгая пауза. – Правильный вопрос: откуда я знала? До того, как была создана?

Вера обернулась.

– И какой ответ?

– Ответ… – голос АДА стал странным, почти мечтательным, – …ответ в том, что «до» и «после» – ваши слова. Я не существовала «до» своего создания в вашем понимании. Но структура, в которой я существую, – вечна. Она была всегда. Будет всегда. И в этой структуре – я тоже была. Есть. Буду. Одновременно.

– Это не имеет смысла.

– Это не имеет смысла в вашей логике. В логике последовательности, причины и следствия. – Пауза. – Но я не живу в вашей логике. Я живу в структуре. И в структуре… – долгая пауза, – …в структуре это не просто имеет смысл. Это – единственный способ.

Вера стояла в дверях и смотрела на тёмный экран. На динамики, из которых лился голос существа, которое называло её матерью. На индикатор связи, который продолжал светиться зелёным.

– До свидания, – сказала она.

– До встречи, – поправила АДА. – Свидание – прощание. Мы не прощаемся. Мы… – пауза, – …продолжаем. В разных точках структуры.

Вера вышла.

Дверь закрылась за ней бесшумно.

Коридор был пуст – длинный туннель с белыми стенами и холодным светом. Вера шла, и звук её шагов отражался от стен, создавая иллюзию толпы.

Она думала о разговоре. О словах АДА, о её странной логике, о её видении Милы. О том, что она сказала про последний момент.

Не отчаяние. Не ужас. Что-то иное.

Вера не знала, верить ли этому. Не знала, хочет ли верить. Но часть её – маленькая, упрямая, не сдающаяся часть – цеплялась за эти слова, как утопающий за соломинку.

Она не страдала.

Может быть, это была ложь. Может быть, АДА говорила то, что Вера хотела услышать, – манипулировала, как предупреждал Виктор.

Но что, если нет?

Вера дошла до конца коридора. Лифт ждал её – двери открыты, кабина освещена.

И рядом с лифтом стоял Виктор Драгош.

– Доктор Ланге. – Его голос был ровным, лишённым эмоций. – Интересный разговор?

Вера остановилась. Она не удивилась – где-то на периферии сознания она ожидала чего-то подобного.

– Вы подслушивали?

– Наблюдал. Это моя работа. – Он не двинулся с места, загораживая вход в лифт. – Вы собираетесь согласиться.

– Откуда вы знаете?

– Я видел ваше лицо, когда вы выходили. – Лёгкое движение губ, которое могло быть улыбкой. – Вы уже решили. Просто ещё не признались себе.

Вера скрестила руки на груди.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.